

Глава 8. НА ГОРОДСКИХ УЛИЦАХ

Нелегко было любопытствующему путешественнику или направляющемуся по делам службы чиновнику добраться из Вологды в самый отдаленный уездный город губернии. Более 800 верст пути по почтовому тракту Вологда – Усть-Сысольск ожидали его. И каких верст! Тракт в полной мере подтверждал слова о том, что одной из бед Российской империи являются ее дороги. Сошлемся на авторитетное мнение капитана Генерального штаба Услара, обследовавшего тракт в конце 40-х годов XIX века: «... проезд в распутицу делается весьма затруднительным», «величайшие затруднения составляют весенние разливы Вычегды и ее притоков. Через эти разливы перевозят проезжих и тяжести на лодках. Окончательная поправка дороги бывает не ранее июля месяца». И это только про участок Яренск – Усть-Сысольск [1]. А ведь вплоть до конца XIX – начала XX веков, когда первые пассажирские пароходы начали ходить до Котласа и даже Архангельска, эта дорога была, по существу, единственным связующим звеном между губернской Вологдой, Великим Устюгом, Яренском и Усть-Сысольском, важнейшей транспортной артерией всего края! Другие дороги, в частности тракт Усть-Сысольск – Орлов (Вятская губерния), были ничем не лучше. Одним словом, Усть-Сысольск мог спать спокойно – большую часть года враги до него добраться не могли!

Удобнее всего было добираться до Усть-Сысольска зимой, когда реки подо льдом, а снег скрывает колдобины и ухабы. Так и поступил в 1863 году учитель Василий Кичин, вместе с которым мы и направимся к месту его новой службы в Усть-Сысольском уездном училище:

«Я ехал зимой, на протяжных по проселочной дороге через Лальск к Усть-Сысольску...»

Проселки длинны и утомительно скучны. Продрогнешь до костей и рад, рад отогреться в курной избе зырянина... Русского слова не услышишь. Крикливая протяжная зырянская... речь на первый раз навеивает на душу какое-то грустное, безотрадное чувство... Едва отогрешься в курной избе – снова в дорогу! Садись в сани непрезентабельной наружности... чтобы продолжить однообразно-утомительный путь. Иногда до десяти лошадей, запряженных гуськом, двигается вперед понуканием ямщика...

Но вот дорога становится разнообразнее: деревни, поля, леса перемежаются; деревенские постройки красивее и чище. Скоро и Усть-Сысольск, столица зырянского края. Полагаешь, что вот увидишь вдали красивый и обширный город; напрягаешь зрение и удивляешься при виде вдали церкви с колокольнею и нескольких разбросанных на значительном расстоянии строений. Вот и Усть-Сысольск!... [2].

Итак, мы прибыли. Можно вместе с новым учителем вылезти из саней, размять ноги, оглядеться и составить впечатление о том, куда, вслед за отцом Евгением Кичиным, бывшим в 1848–1853 годах штатным смотрителем Усть-Сысольского уездного училища, занесла судьба молодого преподавателя, еще не знающего, что в этом городе ему предстоит прожить около сорока лет.

8.1. Маленький город внушительного вида

Возможно, от отца Василий Кичин знал, что приехал в один из самых обширных городов Севера. Как отмечал не склонный к гиперболам упоминавшийся офицер Генерального штаба Услар, «обширностью поверхности своей Устьсысольск

превосходит все прочие города Вологодской губернии». В справочнике «Города России в 1910 году» приведены данные о заселенной площади всех северных городов. У Усть-Сысольска она была значительно больше, чем у Вологды (соответственно 2060,7 и 1411,6 кв. сажень), не говоря уж о других городах Вологодской губернии. На Европейском Севере по заселенной площади Усть-Сысольск уступал только Архангельску, имевшему вшестеро большее население. По протяженности он также был первым в Вологодской губернии и занимал второе место среди всех северных городов – после города Кемь Архангельской губернии [3].

Василия Кичина разочаровал маленький и невзрачный городской центр. Но это был далеко еще не весь город. Обратимся к свидетельству писателя Павла Засодимского*, приехавшего в Усть-Сысольск несколько позже, в 70-е годы XIX века: «Самый город, т.е. местечко, где ютится чиновничество с высшим купечеством и духовенством, не составляет далеко и половины того, что собственно называется Усть-Сысольском. Предместья, слободы устьсысольские обширнее города и они-то придают маленькому городу довольно внушительный вид» [4]. Вообще, многие, побывавшие в Усть-Сысольске, отмечали, что «город чрезвычайно разбросан», «состоит из многих местечек».

Такая оригинальная структура Усть-Сысольска сложилась в результате планировочных изысков, связанных с преобразованием его в город в конце XVIII века. План регулярной застройки захватил только территорию погоста и нескольких примыкавших к нему селений. Это, собственно, и был город Усть-Сысольск. Но на городской территории, за пределами центральных кварталов, располагалось еще множество мелких селений (напомним, такой «гнездовой» тип заселения был характерен для сысольских коми). Эти селения именовались «концами», «пригородами», «местечками», «слободками», а их жители считались такими же горожанами, как и обитатели центральных кварталов.

Перечни этих местечек содержатся в разных документах, и все списки хоть чем-то, но различаются – некоторые поселения пустыли, некоторые – сливались в одно, основывались новые местечки и т.д. Евгений Кичин в заметке «Об основании города Усть-Сысольска» (1853 год) приводит такие названия: Вичкодор** (в переводе с коми языка «место около церкви», т.е. собственно погост), Подгорье, Микул-сикт, Кыруль, Кокулькар, Половина, Кулига, Кодзвиль, Изкар, Котинев, Тентюков-грезд, Титов-грезд и Ганя-грезд. На пла-

не Усть-Сысольска 1864 года, кроме указанных, есть еще слободки Чеусов-Дор-Шор, Клыков-грезд, Антон-грезд, Спирия-грезд, Оде-грезди, Чейв-тен, а Кодзвиль разделен на Верхний и Нижний. А при проведении Первой Всероссийской переписи населения 1897 года были выделены слободка у Пахомова ручья, Забоев-чей, Подгорье, Чугун-грезд, Кируль, Пыч-Касты (Озерки), Сед-Шор, Кодзвыв, Изкар, Котюнев, Клыков-грезд, Северо-Загородная, Париж, Прохор-шор, Тентюково, Титов-грезд, Ганя-грезд, Одок-грезд, Нижний Конец, Дырнос, Чов [5].

Некоторые из этих местечек оказались в пределах «плановой территории» и постепенно «растворялись» в городских кварталах, хотя еще очень долго сохраняли свое наименование. Это Вичкодор, занимавший территорию современного городского парка, ограниченную современными улицами Горького, Кирова, Бабушкина и берегом Сысолы; Подгорье, тянувшееся по берегу Сысолы от ул. Орджоникидзе до ул. Пушкина (ранее там была улица Береговая); Кокулькар, находившийся в юго-западной части города, в конце улиц Первомайской и Интернациональной, до ул. Пушкина; Микул-сикт, который начинался сразу за Подгорьем и от берега Сысолы доходил до ул. Интернациональной [6].

А другие местечки в «плановую территорию» не попали. Вот они-то, находясь в городской черте и считаясь частью города, образовали те самые «слободки», «пригороды», которые, вытянувшись вдоль берега Сысолы более чем на шесть километров, «придавали маленькому городу довольно внушительный вид». Изкар, Котинев, Тентюков-грезд, Титов-грезд, Ганя-грезд, вытянувшись друг за другом с некоторыми промежутками по Яренскому тракту, постепенно слились в слободку Тентюково (ныне это большая часть ул. Тентюковской и начало ул. Интернациональной). Между Тентюково и городскими кварталами находилось местечко Кодзвиль. В районе Тентюково, ближе к Сыsole, в районе современной ул. Свободы находилось местечко Париж (считается, что это необычное название возникло в связи с тем, что на этом месте находились бараки, в которых в 1814 году недолго жили военнопленные французы – солдаты армии Наполеона). На месте нынешнего Больничного городка была слобода Половина. С восточной стороны, в районе городского кладбища, к городским кварталам примыкала большая слобода Кируль (ныне конец ул. Кирова – ул. Заводская). Названия Тентюково, Париж, Кируль хорошо известны и современным сыктывкарцам.

С этими местечками у городских властей были вечные проблемы. К тому времени, когда Усть-Сысольск стал городом, в нем насчитывалось около 300 домов, и более 200 из них находились в пригородах. Их обитатели не подчинялись правилам городской застройки и ставили дома «безо всякого плана», как это было принято издавна. К тому же многие предпочитали ставить дома на выгонной земле, рядом с городскими кварталами, но за пределами «плановой территории», что

* ЗАСОДИМСКИЙ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ (П. Вологдин) (1843–1912) – уроженец Великого Устюга, русский писатель-народник, автор романов «Грешница», «Хроника села Смурина» и других. В середине 70-х гг. XIX в. совершил поездку по Коми краю. Свои впечатления от этой поездки изложил в книгах «Лесное царство» (1878) и «В зырянском краю» (1901).

** Здесь и далее названия населенных пунктов приводятся согласно источникам.

Подгорье

давало возможность избежать платы за отвод участка и не соблюдать правила городской застройки.

Однако, если строго следовать правилам, все постройки за пределами городских кварталов были незаконными, поскольку горожанам разрешалось иметь дома только в «специально отведенных плановых местах». В части первой («Городовое положение») «Грамоты на права и выгоды городам» 1785 года было ясно сказано: «Запрещается городские выгоны застраивать; буде же город городские выгоны застроит или инако в невыгоны обратит, то городу вторично выгонов не отводить и городу выгонов не покупать; но да наймет по нужде или удобности» (ст.3) [7]. Впоследствии запрещение строиться на выгонных землях неоднократно подтверждалось различными императорскими указами и другими законодательными актами, но никогда не соблюдалось.

Обратимся к уже известной нам докладной записке Вологодского губернатора действительного статского советника В.И.Воейкова, сопровождавшего сенатора Хитрово «при обозрении оным Вологодской губернии», составленной в 1815 году по результатам проведенной им ревизии трех восточных уездов, в которой он, в частности, не обошел своим вниманием и Усть-Сысольск. Воейков (на момент составления записки – уже бывший губернатор) высказал ряд критических замечаний, касающихся расселения и занятий городских обывателей, весьма точно отразив проблемы, стоящие перед городской властью:

«Город сей составленный из деревень имеет пространством до 12 верст, домов

же в городе построенных по плану очень мало. Кварталы обращены в поля где производится земледелие. Ибо по учреждении города соделавшиеся обывателями оного, оставаясь, в прежних своих жилищах до деревням, не отстают от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным... Городская земля остается порожнею и обыватели города живут по окрестным деревням... Некоторые дома переселясь в город и обратив свое внимание на коммерцию, столь выгодную по удобности к сему того места, в самое короткое время разбогатели... Но сие столь ясное доказательство преимущества торговли пред занятиями крестьянскими, не может подействовать над коренными предрассудками зырянского народа. Оне соглашаются переносить ужас нищеты лучше, чем вступить в новое звание и поселясь на месте новом, покинуть хижину своих предков.

Хотя и предписал я о неизволении им поправлять старые строения, но все без особенного высочайшего на сие повеления начальству, переселения ожидать невозможно» [8].

Что касается выгод от занятий торговлей, то тут Воейков выдавал желаемое за действительное. Но в том, что жители окрестных местечек не хотели переселяться в город и начальство ничего с ними сделать не могло, он был абсолютно прав. Упорство «горожан поневоле» объясняется не столько «предрассудками зырянского народа», хотя нежелание покидать землю предков,

Спасская улица. Начало XX века

Улица Советская в наши дни

порывать с традиционным образом жизни тоже играли свою роль, сколько беспросветной бедностью. Переселяться-то им предлагали за свой счет. А это значит, что они должны были оплатить плановое место и самим построить новый дом со всеми службами – перевезти на новое место свою деревенскую избу им не разрешали, поскольку она не соответствовала стандартам городского дома.

Проходили десятилетия, а начальство все не оставляло попыток справиться с непокорными жителями местечек. Вот и городничий И.Л.Шульц в 1838 году обратился в Усть-Сысольскую городскую думу: «Небезызвестно оной думе, что в г.Усть-Сысольске внутри города имеется много пустопорожних незастроенных плановых мест, через что делается, во-1-х городу безобразия, и во-2-х недостаток в квартирах» для чиновников, а между тем некоторые мещанские семьи живут на выгонных землях в домах, построенных не по плану, и квартирную повинность не несут. Городничий предлагал «оной думе склонить и убедить приписанных мещан, дабы они взяли пустопорожние места и начали бы строить дома», а чтобы до них лучше дошло начальственное указание, «объявить им и то, что... всякий гражданин обязан жить и иметь дом в городе в плане, а проживать и строить на выгонных местах не по плану воспрещается, и правительству в праве во всякое время приказать неплановые дома разломать и принудить строиться на плановом месте в черте города» [9].

Как бы не так! Дума могла принять сколько угодно решений, основанных, между прочим, на Высочайшем повелении о запрещении строительства на выгонных землях. Но кто же их смог бы выполнить? Несколько городских полицейских? Ведь к тому времени в пригородах было почти 300 домов. Еще через 30 лет дело решалось уже в «высших сферах». 16 января 1868 года начальник Вологодской губернии направил официальный запрос «О неплановых домах, построенных на выгонной земле г. Усть-Сысольска» самому министру внутренних дел:

«До сведения губернского правления дошло, что в г.Усть-Сысольске более 400 участков на набережной р.Сысолы на городской площади и на выгонной земле, с давнего времени застроены неплановыми домами, владельцы которых на принадлежность застроенной земли не имеют законных документов. Устьсысольское городское общество, на обсуждение которого было передано это обстоятельство, принимая во внимание, что большая часть упомянутых построек возведена до открытия г.Устьсысольска, и что владельцы этих построек, по бедности своей, не имеют средств к приобретению участков в черте городских кварталов, не желало начинать иск судебным порядком об отобрании неправильно застроенной земли и согласилось оставить на настоящих местах все вообще дома, построенные как на выго-

не так и на берегу р.Сысолы и площади, без всякой платы в пользу города за занятую землю, с тем только, чтобы владельцы этих домов наравне с прочими городскими обывателями платили в городской доход определенный сбор с оценки недвижимых имуществ.

Хотя по закону... запрещается застраивать городские выгоны и площади, то так как одновременная сломка более 400 домов была бы крайне стеснительна и разорительна для обывателей г.Усть-Сысольска, то... имею честь покорнейше просить разрешения Вашего Высокопревосходительства на оставление сказанных домов на настоящем месте впредь до обветшания оных, на предлагаемых городским обществом условиях».

Департамент хозяйственный Министерства внутренних дел, в чьем ведении находились строительные дела, ответил, что «согласно с приговором городского общества и Вашего ходатайства» со стороны министерства «не встречается препятствий к оставлению таковых домов в настоящем виде, с тем однако же, чтобы на означенной местности снова не было допуская никаких построек». Впоследствии некоторые дома все же было решено снести (в частности, в 1873 году по решению уездного суда было снесено 16 домов на берегу Сысолы) [10]. Однако многолетняя борьба властей с упрямыми устьсысольцами на сей раз окончилась полным поражением первых. Не помогли ни законы, ни монаршие повеления. Фактически с 70-х годов XIX века горожане уже получали официальное право селиться «на городской выгонной земле», правда, при условии, что они будут соблюдать все правила получения разрешения на строительство.

В середине XIX века в пригородах находились 335 (40 – в Кируле, 56 – «на берегу Сысолы», 17 – в Кодзвиле, 35 – в Изкаре, 16 – в Кулиге, 20 – в Котюневе, 48 – в Тентюкове, 61 – в Титов-грезде, 30 – в Нижнем Конце, 12 – в Чове) из 532, в начале XX века – около 600 из примерно 900 жилых построек, т.е. эти местечки стабильно включали в себя примерно 2/3 всех городских домов [11]. Понятно, почему они придавали маленькому городу «внушительный вид».

У городских властей были проблемы и с теми горожанами, чьи дома оказались в городских кварталах. Напомним, что составленный столичными архитекторами план регулярной застройки Усть-Сысольска совершенно не учитывал сложившуюся систему расселения. Большая часть городских кварталов первоначально существовала только на бумаге – их территория не была заселена. Но шесть приречных кварталов по улице Набережной «наложились» на территорию старого погоста с его беспорядочной застройкой. Дома новых горожан оказались в глубине, а не на «красной линии» распланированных кварталов, а некоторые и вовсе посреди будущих улиц.

В черте регулярной застройки оказалось сравнительно немного «неправильных» домов. Вероятно, поэтому к их владельцам проявили снис-

*Стефановская площадь и Трехсвятительская улица. Вид с колокольни Стефановской церкви.
Начало XX века*

Стефановская площадь в наши дни

Городская окраина со стороны местечка Кируль

хождение. В комментариях к плану регулярной застройки 1783 года было отмечено: «У которых обывателей нынешние строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собою обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся, или хозяева сами добровольно прежде того перестроить по плану пожелают». Исключение составляли дома, «разделяющие улицы» (оказавшиеся на проезжей части), — их надлежало немедленно разобрать и перенести на выделенные плановые места. Устьсысольцы дома свои строили добротнo, и городским властям очень долго пришлось ждать, пока они «обветшают и повалятся». В «Оценочном реестре недвижимых имуществ» за 1855 год отмечено около десятка домов, «стоящих в глубине квартала без планового места» [12]. Возможно, это последние из домов сельского Усть-Сысольска.

Новые же дома надлежало строить строго «по плану». Желающие строиться должны были уплатить за плановое место и получить план участка с указанием местоположения строений. Дома должны были выходить фасадом на «красную линию», создавая регулярную застройку. План отводил «особливые места» для каменной застройки и административных зданий, однако это требование не было соблюдено.

Город конца XVIII — начала XIX веков занимал довольно узкую полосу вдоль Сысолы. «Это были

две-три улицы с деревянными домиками на довольно большом расстоянии один от другого и только с двумя каменными домами двух первых купцов города Сухановых» [13]. Имеются в виду две идущие параллельно реке улицы Набережная (ул. Кирова) и Спасская (ул. Советская). Именно здесь сложился административно-торговый центр города, находились административные учреждения, торговые и учебные заведения, рыночная площадь, городской Троицкий собор. Эти улицы, а также пересекавшие их отрезки Покровской (ул. Орджоникидзе), Сухановской (ул. Бабушкина), Трехсвятительской (ул. Коммунистическая), Никольской (ул. Пушкина) и Предтеченской (ул. Куратова) считались наиболее престижными для жилой застройки. В основном на Спасской и Набережной располагались немногочисленные кирпичные и деревянные особняки городского купечества.

Распланированная в центре города Стефановская площадь центральной так и не стала. Вплоть до 30-х годов XIX века она вообще не была застроена. Со временем городская застройка «добралась» до площади и «переползла» через нее. В середине XIX века, когда начали застраиваться окраинные кварталы, площадь стала географическим центром города, но так и не приобрела статус центральной. Административные учреждения на Стефановскую площадь не перееха-

ли. Даже когда в конце XIX века на площади вырос Стефановский храм, самая большая городская постройка, горожане не воспринимали площадь как центральную, поскольку церковь была лишь приписной к Троицкому собору.

Настоящим центром города была площадь перед городским Троицким собором, в районе пересечения Покровской и Набережной улиц. Еще с тех времен, когда Усть-Сысольск был погостом, она была не только соборной, но и рыночной («совмещение» религиозного и торгового центров довольно типично для небольших сельских поселений). В будние дни площадь пустовала, зато в воскресенье, во время «мелочного торга», здесь собиралось полгорода. Однако настоящие свои «золотые дни» площадь переживала во время ярмарок. Ярмарки приносили доход не только городскому купечеству, но и соборной церкви, так как последняя содержала «для торгующих людей ларьки», которые в ярмарочные дни сдавались внаем приезжим торговцам.

В середине 30-х годов XIX века рыночная площадь была переведена на новое место, причем по инициативе настоятеля Троицкого собора протоиерея Александра Шергина, вероятно, полагавшего, что рынку с его мирской суетой не место рядом с домом Божиим. Но далеко не все разделяли его точку зрения. После смерти протоиерея соборный причт попытался вернуть рынок на прежнее место – уж больно выгодным было такое соседство. В 1838 году священник Александр Казаринов направил в городскую думу прошение Усть-Сысольского духовного правления, председателем коего он состоял, в котором было отмечено следующее:

«Сие духовное правление слушав рапорт здешнего Троицкого собора старосты уволенного уже от сей ныне должности по истечению трехгодичного беспорочного служения здешнего же купца Николая Максимова Латкина в коем он между прочим объясняет, что с самого выступления его в должность соборного старосты, употреблял он всевозможные свои старания к умножению церковных доходов и выгод, но вопреки его желанию встретил он великий к тому недостаток, во-первых от того, что лишилась церковь того дохода, который прежде получал был за охранение вина в соборных палатках до устройства казенных подвалов, и во-вторых от перенесения... находящегося с самого открытия города и ранее близ церкви рынка, на другое более отдаленное болотистое место, не отведенное по плану, от чего самого опустошились и состоящие при церквях для торгующих людей ларьки, от коих получаем был значительный доход, а ныне занимаются ларьки сии при квартирах торговцев и на санях в торговые дни без помещения в оные по неудобности и при этом переведены на занятое для рынку место весовой амбар и лавки, принадлежащие к церкви, а по сей причине приняла казна цер-

ковная убыток: недопродажу восковых свеч и недобор кошелевского дохода. Просим для умножения соборных доходов о переведении рынка с весовым амбаром гораздо ближе к соборной церкви по прежнему» [14].

Духовное правление и справочку составило о том, что «ныне против прежних лет, когда близ церковью находился рынок и винный подвал, уменьшения в соборном доходе более 300 рублей состоит» (деньги по тем временам очень даже немалые). Однако городская дума не вняла просьбе духовенства – торговая площадь осталась на новом месте и находилась там вплоть до 30-х годов XX века. Это когда-то «болотистое место» находилось на территории современного городского парка им. Кирова, ниже пересечения улиц Набережной и Трехсвятительской, совсем недалеко от Троицкого собора.

Новое место рыночной торговли долгое время представляло собой обыкновенный пустырь, мало напоминающий то, что мы привыкли понимать под словом «площадь». Но во второй половине XIX века она начала принимать цивилизованный вид. Городские власти озаботились тем, чтобы как-то оборудовать торговые места, руководствуясь заботой не только о торгующем люде, но и о доходах в городскую казну. За счет города были оборудованы крытые прилавки, амбары, которые, равно как и просто «торговые места», сдавались в аренду. Например, по описи городского имущества на 1895 год, на торговой площади располагались «гостиный ряд из 12 лавок», «мясной ряд на 8 покоев», несколько амбаров и важня, а также «деревянный двухэтажный флигель, нанимаемый трактирным заведением частного лица» (где же еще и быть трактиру, как не на базарной площади?). В 1870 году «с ярмарочных помещений» в городскую казну поступило 225 руб., а в 1885 году – уже 350 руб. (в разные годы доход менялся, но меньше 225 рублей не опускался). В 1897 году в доходную часть городского бюджета поступило: «с городской рыночной площади (за места в торговые дни)» – 50 руб., «с гостиного ряда» – 150 руб., «с мясного ряда» – 20 руб., «с торговых лавок на рыночной площади», сданных в долгосрочную аренду, – 100 руб., «с ярмарочных помещений» – 220 руб. [15].

В 1838 году в городе было всего 146 плановых домов, в то время как в слободках их было почти 300 (понятно, почему негодовал городничий Шульц). Даже кварталы наиболее старой застройки, по Набережной улице, зияли пустотами: в первом квартале из 8 плановых мест были застроены 4, во втором – из того же количества – 6, в одиннадцатом на 11 плановых мест приходилось 5 домов. Но постепенно городские кварталы застраивались. В 1855 году было застроено уже 197, в 1880 году – около 300, а в 1917 году – более 350 плановых мест. Но дальше от реки кварталы и в конце XIX – начале XX веков существовали больше на бумаге. В 1880 году в седьмом квартале домов вообще не было (к 1917 году один все же появился), в восьмом их было всего

4 (к 1917 году появилось 9 домов), столько же в четырнадцатом. Эти кварталы выходили за Западно-Загородную улицу, на которой был плотно застроен только один двадцать шестой квартал. Не удивительно, что в некоторых справочниках и даже официальных документах первой половины XIX века указано, что в Усть-Сысольске было не двенадцать, а девять улиц. Три улицы – Юго-, Северо- и Западно-Загородная – были малозастроенными, и притом только с одной стороны. И в то же время к началу XX века в городе не стало хватать участков для новой застройки, поскольку почти все незастроенные плановые места уже находились в собственности определенных семей. Городские власти нашли довольно простой выход из этой ситуации – вблизи старых городских кварталов были разбиты новые плановые места [16].

Итак, лишь к концу XIX века почти все усть-сысольские улицы из «бумажных», проложенных на плане петербургских архитекторов, стали реальными, обрели свое лицо. Пора отправиться в прогулку по Усть-Сысольску, чтобы составить представление о «проспектах» «столицы зырянского края».

8.2. Усть-сысольские «проспекты»

Современный горожанин, оказавшись он на усть-сысольских улицах, попал бы в совершенно непривычный для него мир. Улицы современных городов – это нескончаемый поток машин, множество вечно спешащих пешеходов, витрины больших магазинов, и над всем этим – грохот автомобильных моторов, шум людской толпы и сотни других, привычных нашему уху звуков.

А на широких усть-сысольских улицах, пустынных даже днем, царил патриархальная тишина. Редко когда попадется неспешно идущий по своим делам прохожий, прогремит телега (летом) или проскрипят сани (зимой). Такой приметой большого города XIX века, как извозчики (и, уж разумеется, общественного транспорта), в Усть-Сысольске не было по причине их полной ненадобности. В топографическом описании Усть-Сысольска конца XVIII века о городской территории говорится так: «Фигуру имеет нерегулярного пятиугольника. Окружается с восточной стороны рекою Сысолою, с южной, западной и северной – лесами. В длину простирается на пять, в ширину – на две, в окружности – на четыре версты». В начале XX века длина всех усть-сысольских улиц была немногим более восьми километров, так что, если кому-нибудь вздумалось обойти их, двух часов ему вполне хватило бы [17]. А уж пройти город напрямик из конца в конец можно было максимум за полчаса.

Всего один раз за более чем вековую историю горожане имели сомнительное удовольствие познакомиться с автомобилем, и то знакомство это было весьма краткосрочным. Газета «Вологодский листок» в 1913 году сообщила о первом, как мы бы сегодня выразились, спортивном автопробегах, стартовавшем из города на Сыsole:

«Летом текущего года владельцы Кажимского завода (240 верст от Усть-Сысольска) задумали прокатиться из Усть-Сысольска до села Кажим на автомобиле. Несмотря на то, что дороги в Усть-Сысольском уезде нельзя хвалить, им удалось доехать до Кажима, хотя в некоторых местах пришлось вывозить автомобиль на лошади.

Не выдавшие никогда автомобиль местные жители приняли его за черта с зелеными глазами. Ходили рассказы, что некоторые мужички, приняв его за бесовское наваждение, крестились и читали молитву «Да воскреснет бог», хватались за голову, не во сне ли видят это» [18].

Надо полагать, реакция усть-сысольских мешан отличалась немногим. Но вот загадка: как владельцам Кажимского завода вообще удалось доставить автомобиль до Усть-Сысольска? При состоянии дорог в то время сделать это, пожалуй, было не легче, чем доехать до Кажима. Впрочем, возможно, авто привезли на пароходе. Дальнейшая судьба первого автомобиля покрыта завесой тайны.

Но автомобиль на усть-сысольских улицах – не более, чем эпизод. Другое дело – коровы, овцы и прочая скотина, спокойно разгуливающая чуть ли не в центре города. Скот держали большинство городских семей, немощные городские улицы по обочинам обильно зарастали травой, транспорта никакого, и коровы, возвращаясь с пастбища, не могли отказать себе в дополнительном питании.

Присутствие скота на улицах чрезвычайно раздражало городские власти: все-таки уездный город, а не деревня. Да и законом предписывалось изгонять с городских улиц «крупный и мелкий скот» (имелись на сей счет и высочайшие повеления). Вот и городничий Николай Самарин в 1813 году направил в городскую думу послание, озаглавленное «О недопущении крупного и мелкого скота в город», следующего содержания: «Что как разного скота крупного и мелкого, безо всякого присмотра по городу шатаются, отчего могут последовать разные непредвиденные случаи, то не соблаговолит ли дума издать распоряжение «чтобы отнюдь без пастухов этот скот не находили и в городе не шатались». Ослушников – владельцев скота – предлагалось штрафовать на довольно большую сумму [19].

Возможно, на какое-то время городские власти и усилили контроль за «прохождением» скотины, положив конец «непредвиденным случаям, проистекающим от ее «шатания» (впрочем, ни одного случая наложения штрафа не известно). Однако через 60 с лишним лет П.Засодимский наблюдал следующую картину: «во всякую пору дня и ночи по улицам бродят лошади и слоняются целые стада овец». Власти приняли очередные суровые меры. В упоминавшемся «Обязательном постановлении Усть-Сысольской городской думы по предметам городского благоустройства» от 14 февраля 1881 года четко сказано:

Спасская улица. На переднем плане – тротуар и фонарный столб. Начало XX века

«Воспрещается кормление у церкви лошадей; дозволить скоту, а в особенности свиньям, которые роют улицы и площади, бродить по улицам и площадям города – воспрещается, кроме случаев, когда скот прогоняется на пастбище, водопой или для убоя» (кстати говоря, запрещалось и «выпускать собак на улицу без намордников» – «для безопасности») [20].

Прошло еще 20 лет (как раз наступил вековой юбилей послания городничего Самарина). Газета «Вологодский листок» сообщила, что по обочинам заросших травой усть-сысольских улиц «в летнее время мирно пасутся коровы и иной скот. А куда же смотрят городские власти? «Отцы города изгоняют скот с улиц только в торжественных случаях, в дни приезда начальствующих и почетных лиц. А как только начальство сядет на паром, скот возвращается в город и улицы снова обращаются в скотский выгон». Насчет того, что городская дума, готовясь к приезду «значительных лиц», принимала «кособые меры» по «изгнанию скота», газета ехидничала справедливо. Но ведь неправда, что в другие дни она ничего не делала! Боролись «отцы города» со скотом, и еще как! Даже деньги из городского бюджета выделяли «на караул улиц города от бродячего скота». В 1914 году, например, выделили 50 рублей на «наем трех погонщиков с улиц бродячего скота (эти расходы почему-то были проведены по разделу «медицинской, ветеринарной и санитарной части»). И штрафовали нарушителей! Вот, к примеру, в 1870 году горожане уплатили штрафов «за бродячий по улицам скот» 5 руб.56 коп., а в 1875 году – целый рубль [21]. Подобная «стро-

гость» объясняется довольно просто – думцы ведь тоже держали коров и овец. Наверняка и их буренки время от времени «шатались» по городским улицам.

Наверное, самым радикальным способом борьбы с «бродячим скотом» было бы мощение улиц, но как раз этого в Усть-Сысольске не было. И в данном случае Усть-Сысольск ничем не отличался от большинства городов Вологодской губернии. В 1835 году из 260 имеющихся в городах губернии улиц и переулков только 20 были мощеными (из них 15 в Вологде, остальные 5 – в Грязовце и Красноборске). А в начале XX века из 12 городов губернии мощеные улицы имели только 5, из них только в губернской Вологде была замощена значительная часть их протяженности [22].

Отсутствие мостовых создавало для устьсысольцев определенные неудобства. Летом центральная часть улиц, выбитая скотом и телегами, тонула в пыли. Осенью и зимой от дождя и талого снега их «развозило»: «улицы в весеннее и осеннее время становились малопроезжими», – отмечал один из усть-сысольских старожилов. А Стефановскую площадь «украшала» огромная лужа, исчезающая только зимой. Справедливости ради надо заметить, что Усть-Сысольск, лежащий на возвышенном и сухом месте, в сравнении с другими городами, вовсе не казался современникам таким уж грязным. В официальных изданиях встречаются и такие утверждения: «улицы никогда не подвергаются сильному загрязнению», «грязи бывает очень мало даже в осенний и весенний периоды» [23].

Все усть-сысольские улицы имели деревянные тротуары. Протяженность их была самой большой в губернии, хотя по длине улиц Усть-Сысольск занимал только восьмое место. Делались они чрезвычайно просто: на короткие бревна набивались 4–5 сосновых досок общей шириной 1,5–2 метра. А на окраинах поступали и того проще: на обрубки бревен, не прибывая, укладывали 2–3 доски – и тротуар готов. Между тротуаром и проезжей частью прокапывалась неглубокая канава для сточных вод. Такие тротуары-мостики и сегодня можно видеть во всех коми селах.

За состоянием улиц надо было следить, заниматься их благоустройством. В Усть-Сысольске, как и во всех маленьких городах Российской империи, это проблема решалась чрезвычайно просто и с минимальными для городского бюджета затратами. Службы коммунального хозяйства в современном понимании в городах не было. А посему большая часть забот по благоустройству возлагалась на самих горожан. Городские власти исходили из простого правила: домовладелец отвечает не только за то, что находится за усадебным забором, но и за территорию перед ним, т.е. обязан содержать в порядке участок улицы перед своим домом. Вот, например, какие обязанности по содержанию «своих» участков улиц возлагались на горожан уже известным нам «Обязательным постановлением Усть-Сысольской городской думы по предметам городского благоустройства» 1881 года:

«1) Улицы и площади домохозяева обязаны содержать постоянно в чистоте и

опрятности, для этого весною по стоянию снега очищать их от навоза, который, а равно и другой мусор вывозить за город..., выметать улицы каждую неделю; кроме того для устранения грязи на улицах домовладельцы должны возить песок, который рассыпать по дороге в низкие места, где застаивается вода; землю же ухабы и раскаты каждым домовладельцем против своего дома, строения и места исправлять, не допуская накопления сугробов, препятствующих удобному проезду.

2) Тротуары и мостики против домов, ворот и заборов, равно перила, заборы, огороды и ворота содержать всегда в исправности, водосточные канавы и соединяющие их трубы содержать в исправности и незасоренными для свободного стока воды» [24].

Ничего оригинального и неожиданного для городских обывателей в этом документе не было. Такой порядок сложился в российских городах с незапамятных времен. И ровно столько же времени «отцы города» упорно боролись с нерадивыми горожанами, не желавшими исправно исполнять свои дворничьи обязанности. Сохранилось, например, отношение городничего Шульца в городскую думу от 1838 года «О принуждении купца Степана Латкина и группы мещан к строительству против своих домов тротуаров», в котором говорилось о том, что если указанные лица не выполняют эту работу, то «тротуары будут построены наемными людьми, а все издержки будут отнесены на их счет» (между прочим, Степан

Покровская улица. Начало XX века

Троицкая улица и Стефановская церковь. Начало XX века

Улица Ленина в наши дни

Латкин бывал и градским старостой, и бургомистром, а позднее два его сына занимали пост городского головы). Да и в начале XX века в вологодской газете «Север» отмечалось, что «тротуарчики» в Усть-Сысольске «подгуляли», особенно на Стефановской площади и в начале Покровской улицы [25].

Городская управа регулярно назначала комиссии по проверке состояния улиц и выносила предупреждения нерадивым гражданам. Справедливости ради надо сказать, что большинство горожан добросовестно «в летнее время почти ежемесячно сравнивали заступами и начисто выметали метлами» участки улиц у своих домов. Но, судя по имеющим место лужам, колдобинам и ямам на «городских проспектах», имелось и немало тех, кто заслуживал сурового предупреждения от городских властей. Но штрафовать не исполнивших строгие инструкции о содержании в порядке своих участков улиц дума не решалась. Надо принимать во внимание, что и сами выборные члены городского самоуправления далеко не всегда добросовестно исполняли «общественные дворничьи обязанности».

Участки улиц перед казенными зданиями, равно как и сами здания, должны были содержаться в соответствующем порядке самой городской думой. Мещанам и чиновникам городских учреждений до них дела не было. Разумеется, речь не шла о том, чтобы сами думцы брались за лопаты и метлы. Объявлялись торги на выполнение ремонтных работ, на что ежегодно выделялись средства из городского бюджета. Однако желающих чаще всего не находилось: то ли у устьсысольцев хватало своих дел, то ли сумма не устраивала (городские власти действительно щедростью не отличались).

Приходилось органам городского самоуправления давать поручение одному из гласных городской думы организовать эту работу и найти исполнителя. Так, летом 1861 года такое поручение было возложено на гласного И.Титова, который нанял для производства работ мещанина Харлампия Тентюкова. Тот с работами справился успешно, что и засвидетельствовала авторитетная комиссия в составе городского головы М.Н.Латкина, гласных Сколепова и Титова, городничего И.З.Коломейченко и стряпчего Беляева, отметив, что «улицы... сровнены наносною землею и песком. Вообще работы по устройству улиц произведены прочно... тротуары... исправлены, на их исправление употреблены новые сосновые пластины и железные гвозди, вообще работа по исправлению тротуаров произведена прочно, чисто и обошлась недорого». За свой труд Тентюков получил 31 руб. серебром [26].

Кроме того, на городские власти возлагались обязанности по поддержанию в надлежащем порядке и ремонту дорог, переправ, перевозов и мостов за пределами городских кварталов, а также «спуска к реке Сысоле» там, где помещалась пристань. На это также ежегодно выделялись деньги из городской казны, каковые и выплачивались желающим поучаствовать в дорожно-ре-

монтных работах. Эти суммы очень различались в зависимости от определенного городскими властями плана работ и возможностей городского бюджета. Так, в 1814–1816 годах было выплачено 710 руб. 2 коп. «за починку мостов и гатей» и 166 руб. 63 коп. «за поправление мостов», что составляло примерно 1% городских расходов. В 1839 году «на содержание мостов, дорог и перевозов было истрачено 495 руб. 75 коп. (0,7% расходной части бюджета), в 1843 году «на содержание и исправление состоящих в городской даче дорог и перевоза через Сысолу» – 140 руб. (7% всех городских расходов).

В 60–80 годы XIX века на «содержание в исправности проселочной дороги и мостов» ежегодно тратилось от 40 до 200 рублей, что составляло не более 2% городских расходов. В 1914 году городская дума израсходовала 400 руб. на ремонт моста через ручей Чеусов-Шор и 25 руб. на «содержание проселочных дорог и мостов, пролегающих в черте городской земли», что составляло все те же 2% расходной части бюджета [27]. Это совсем небольшие суммы, если учитывать объем работ (только мостов в разные годы насчитывалось от 4 до 12). Соответственно затратам было и качество дорог.

Если уж речь зашла о благоустройстве, то необходимо сказать несколько слов о городе «в санитарном отношении», тем более, что в этом самом отношении Усть-Сысольск считался одним из лучших городов губернии, опережая даже Вологду. «Виною» тому чистый воздух, не загаженный дымом заводских труб, хорошая питьевая вода, которую без опаски можно было брать прямо из реки, отсутствие болот и прочих «сырых мест». Городские власти, разумеется, старались блюсти санитарные нормы, которые они же сами и установили. Однако новации коммунального хозяйства больших городов обходили Усть-Сысольск стороной.

В Усть-Сысольске не было ни водопровода, ни канализации. О городском водоснабжении городничий И.Л.Щульц доносил в губернское правление следующее: «Жители города довольствуются водою частично из реки, частично из колодцев, находящихся при домах, коих считается 56». Это из отчета за 1836 год, а в 1839 году в Усть-Сысольске насчитывалось уже 79 колодцев. Вероятно, городничий имел в виду только колодцы в центральной части города. Уже известный нам капитан Услар писал, что хотя вода из Сысолы «здоровая и приятная на вкус», но «по отдаленности реки жители большею частью довольствуются водою из колодцев, которых считается 463» [28]. В начале XX века колодцы имелись практически у всех домохозяев. Речной водой в основном пользовались жители «нелегальных» слободок, расположенных по берегу Сысолы. Городские власти «строго воспрещали» «спуск в реку Сысолу падали какой-либо, а также разных нечистот или мусора», вымачивать лен и коноплю в местах, откуда берется питьевая вода.

Городские колодцы представляли из себя сруб примерно 2х2 метра, углубленный в землю на 6–7

Городской сад. Начало XX века

метров. Над поверхностью земли сруб поднимался на 4-5 венцов. На нем крепилось бревно с цепью и кадушкой. Для того чтобы поднимать или опускать кадушку, перпендикулярно к бревну прикреплялось большое колесо с двумя рукоятками. В сысольских селах такой «водоподъемной» конструкции не встречалось. Выбор места и рытье колодцев требовали определенного умения, поэтому многие горожане за плату приглашали для этой цели специалистов из местных жителей. Горожане были обязаны сами очищать свои колодцы «на тот предмет, чтобы в них не было гнилости».

В городе, в отличие от пригородов, все дома имели «особые ретиралы» (туалеты), в то время как в слободках только 50 домов имели «особо устроенные отхожие места». Имелись также 64 помойные ямы (жители слободок вполне успешно обходились без них). Естественно, очистка города от нечистот возлагалась на самих жителей (городские власти отвечали только за казенные здания). Согласно «Обязательному постановлению Усть-Сысольской городской думы по предметам городского благоустройства» горожане были обязаны «отхожие места, помойные ямы и хлевы очищать не менее 2 раз в год: весной в марте месяце, а осенью в октябре и ноябре месяцах. Очистка этих мест допускается преимущественно в прохладное время и вывозить из оных нечистоты ночью, в закрытых бочках или кадках, закрывающихся плотно, в назначенные думою места», а также «для уничтожения зловония в отхожих местах и помойных ямах» поливать оные водных раствором купороса или посыпать извес-

тью. Между прочим, запрещались «испражнения на площадях, около строений, заборов, у лавок и в сараях» [29]. Очень правильное запрещение! Вот если бы оно еще и выполнялось...

Усть-сысольские улицы и днем не поражали многолюдством, а вечером на них и подавно никого не было (не потому что горожане боялись выходить из дому – просто нужды не возникало). Тишину ночного города нарушали лишь стук колотушки общественного сторожа да лай собак. Горожане рано ложились спать. А тому, кому все же выпала необходимость выйти на вечерние улицы, приходилось перемещаться по ним с крайней осторожностью, ибо с наступлением вечера «тьма кромешная гостеприимно раскрывала свои объятия». Лишь по торжественным дням государственные учреждения иллюминировались светильниками, а в остальное время город, по выражению писателя Павла Засодимского, «освещался лишь светом небесных светил».

Однако как раз в 70-е годы XIX века Усть-Сысольск начал приобщаться к такому прогрессивному обычаю, как освещение городских улиц. В городском бюджете появилась новая статья расходов «на освещение города». Сперва на эти цели выделялось по 2–40 руб. в год, но к концу XIX века эти суммы значительно возросли. В 1897 году в Усть-Сысольске имелось 65 фонарей, на содержание которых было выделено 130 руб. В 1910 году число фонарей подросло до 70, а в 1914 году – до 75 (на «устройство новых фонарей» дума выделила 250 руб., в 10 раз больше, чем в предыдущие два года, и еще 84 руб. – на их со-

держание). Нетрудно подсчитать, что один фонарь приходился на 100 метров улицы. К этому времени в Вологде и Архангельске имелись электрические фонари, но по сравнению с другими уездными городами Усть-Сысольск был освещен ничуть не хуже [30].

По воспоминаниям старожилов, первоначально фонари были установлены только на Спасской улице. Но судя по фотографиям, сделанным в первое десятилетие XX века, позже они появились еще и на Набережной, Покровской, Трехсвятительской и Троицкой. Это были заправленные керосином горелки в стеклянных колпаках, укрепленные на невысоких столбиках (высота их была метра два, чтобы можно было легко достать до горелки с земли либо с небольшой лестницы – зажигать-то фонари приходилось ежедневно и вручную). Горели они с семи часов вечера до четырех утра. Толку от этих светильников было немного: горели они плохо, тускло, освещая лишь небольшую площадь.

Эксплуатировались они весьма экономно. В 1908 году, например, вологодская газета «Север» в корреспонденции из Усть-Сысольска сообщила о таком оригинальном начинании городских властей: «Наши благодетели – «отцы города» блюдают экономию: как только выпал снег, они фонарики сняли со столбов и спрятали в городских сокровищницах». Не соврали газетчики, дума и сама в отчетах указывала, что фонари используются «до санного пути», т.е. приблизительно до 15 октября. Но это еще не вся экономия. Обрато-то их ставили только 15 августа, так что использовались они всего два месяца [31]. И то верно – зимой и ранней весной стоят морозы, стекла могут полопаться, да и керосину сколько уйдет – ведь днем уже темно. А летом фонари не нужны – и так светло.

Усть-Сысольск был довольно зеленым городом. Но деревья и кустарники в основном росли во дворах домов и по берегу реки. Унылость же улиц зеленые насаждения не скрашивали. Разве что можно вспомнить невесту когда появившийся небольшой кедровник у кладбищенской церкви в Кируле. Городские власти проблемой озеленения улиц озабочены не были.

В городе был небольшой общественный сад. Он был заложен в 1890 году по инициативе городской управы. В иные годы дума даже выделяла небольшие средства (по 50–70 рублей) на «содержание бульваров и общественных садов». Собственно, это был даже не сад, а огороженная невысоким заборчиком лужайка, с проложенными по ней дорожками, и обсаженная по периметру березками и тополями. Расположен был этот «уголок отдыха» у реки, на территории современного городского парка. В начале XX века сюда была перенесена беседка, построенная для встречи великого князя Сергея Александровича, посетившего город в 1898 году. Эта беседка так и осталась единственным образцом «садово-парковой архитектуры» Усть-Сысольска, если, конечно, не считать парковую ограду.

Горожане довольно равнодушно отнеслись к этому начинанию городских властей. Как-то не принято было в усть-сысольском обществе совершать променады. Тогда «отцы города» решили приспособить общественный сад для хозяйственных целей. Он был передан в шефство пожарной команде, которая пасла там своих лошадей. В 1911 году была сделана попытка превратить сад в «очаг культуры». В городскую думу обратилось Усть-Сысольское общество любителей сценических искусств с предложением «об уступке... городского сада для устройства и приспособления такового для представления сценических искусств». Городская дума весьма благосклонно отнеслась к этому предложению, что и нашло отражение в ее решении:

«Собрание думы, находя цель общества заслуживающим уважение как с нравственной точки зрения полезное для городского населения, определило: Разрешить Обществу Любителей Сценического искусства пользоваться для своей цели городским садом, предложив при этом постепенно приводить таковой в благоустроенное положение, и чтобы общество при всяких начинаниях к устройству приспособлению сада для целей оно-го, предварительно входило в соглашение с Городской Управой, не допуская какой бы то ни было эксплуатации сада снятием сена, каковое все должно поступать в пользу Городского общества для прокормления городских пожарных лошадей» [32].

Что конкретно собирались «представлять» в городском саду театралы-любители, нам не ведомо. Вероятно, хотели построить открытую эстраду для театральных постановок. Но эта идея так и не была реализована, поскольку за свой счет Общество любителей сценических искусств, а на самом деле обыкновенный любительский театральный кружок, возвести ее не смогло. Городские же власти ограничились «уверениями в совершеннейшем почтении» к театралам.

Теперь, когда читатель имеет некоторое представление о городских улицах, пора внимательно приглядеться к городским постройкам, посмотреть, что они из себя представляли. Все-таки «лицо города» определяли именно постройки, а не улицы.

8.3. Постройки «дают городу выгодное впечатление»

«Строение в городе довольно хорошо». Так охарактеризовал городскую застройку побывавший в Усть-Сысольске в 50-е годы XIX века Ф.Ежов, добавив, что это «... один из лучших уездных городов Вологодской губернии». В своей оценке городской застройки он не одинок. Например, купец В.Н.Латкин отмечал, что «середина города около церкви обстроена довольно хорошо». Весьма лестная характеристика внешнего вида Усть-Сысольска дана в «Ежегоднике Воло-

годской губернии на 1912 год»: «По высокому берегу р.Сысолы красиво расположилась столица зырянского края... Широкие и прямые улицы, сравнительно с хорошими, преимущественно деревянными постройками, дают городу выгодное впечатление». Нельзя сказать, что внешний вид городских строений производил на всех только благоприятное впечатление. В.Кичин, например, отмечал, что «усть-сысольские зыряне-домовладельцы заводятся слишком незавидными постройками ни по архитектуре, ни по внешнему устройству» [33]. Возможно, эта характеристика относилась к домам пригородов, имевшим чисто сельский облик. И все же положительных отзывов было значительно больше.

Современного читателя, разглядывающего фотографии старого Усть-Сысольска, может быть, и удивит такая оценка. Однако все познается в сравнении. Выше представлены мнения людей, имевших возможность сравнивать Усть-Сысольск с другими северными городами, бывавшими и в других губерниях, живших в столичных городах. В Усть-Сысольске не было архитектурных шедевров. Но общий вид города, его добротные дома, немногочисленные каменные особняки, церкви, наверное, действительно оставляли неплохое впечатление, особенно в сравнении с селом.

Время поощало сравнительно немного построек старого Усть-Сысольска, и с каждым годом их становится все меньше. Большинство из них относится к концу XIX – началу XX веков. Сохранились старые фотографии, позволяющие представить, как выглядел Усть-Сысольск того времени, облик уже утраченных зданий. С их помощью, а также используя немногочисленные свидетельства очевидцев более раннего времени, а также достаточно хорошо сохранившиеся архивные документы, пройдемся по улицам города, посмотрим, как выглядели усть-сысольские постройки.

Откуда бы путник ни подъезжал к Усть-Сысольску – посуху или по реке, – первое, что он видел, – это колокольня Троицкого собора. В маленьких провинциальных городах церкви были самыми большими зданиями, определявшими городской силуэт. Особенно красиво собор смотрелся с реки. Над темной цепочкой низеньких деревянных домов, живописно вытянувшихся по крутому берегу Сысолы, лишь в нескольких местах «разрываемой» белеными кирпичными «казенными» зданиями, возвышались стройные белые здания церквей и колокольни, «стягивающие» к себе панораму города и служившие его вертикальной доминантой. Приезжим первоначально казалось, что Троицкий собор находится в центре города, хотя на самом деле он помещался на окраине.

Храмы Троицкого собора, как уже упоминалось, были построены в XVIII веке, еще в догородской период. Строительство таких больших каменных сооружений – дело сложное. Своих «каменных дел мастеров» в то время в Усть-Сысольске, как и в большинстве других северных мест, не было. Для постройки каменных (точнее, кирпичных) зданий приглашали специальные бригады каменщиков. На Севере славились своими

мастерством каменщики из Великого Устюга. Вот их-то и пригласили для строительства первых усть-сысольских каменных храмов.

У устюжских мастеров был свой, сложившийся за десятилетия, стиль строительства. Для него характерны башнеобразные постройки, многоярусный силуэт зданий, завершавшихся небольшими главками на тонких шейках, придававшими им стройность и изящество. Именно в таком стиле был построен и Троицкий собор. Над основным прямоугольным зданием, перекрытым четырехскатной кровлей, – четверик, а на нем один над другим последовательно уменьшающиеся три барабана-восьмерика (т.е. имеющие по восемь сторон), завершающиеся маленькой главкой (такие же главки были и на основном корпусе церкви, над алтарями). Покровская церковь смотрелась не так изящно. Сказалось то, что ее строили в два приема – первоначальный многоярусный план церкви был искажен. Построенная в конце XVIII века трехъярусная колокольня на массивном нижнем корпусе, выполненная в той же «устюжской манере» (последовательно уменьшающиеся ярусы), вполне вписалась в храмовый ансамбль.

Устюжские мастера место для храма не выбирали. Оно уже было определено местонахождением старой деревянной Троицкой церкви. Но с инженерной точки зрения местоположение Троицкой и Покровской церквей оказалось неудачным. Многоэтажные здания давили на мягкий берег реки, к тому же подмываемый подземными ключами, и постепенно «сползали» вниз (понятно, что относительно легкие деревянные постройки были избавлены от этой опасности). Когда-то вход в церковь с Покровской улицы был виден целиком, а в конце XIX века просматривалось только оконце над дверью. В стенах появились трещины (их пытались стянуть железными скобами), разрушались фундаменты (в 1828 году протоиерей Александр Шергин отмечал, что в северной стене «давно уже приметна трещина или щель», а Св. Престол и жертвенник «постоянно испытывают потрясения»). Одно время из-за угрозы обвала на колокольне запрещалось звонить в большой колокол.

Уже в 40-е годы XIX века вставал вопрос об укреплении берега. Но работы, предписанные членами Вологодской строительной комиссии, так и не были выполнены [34]. Неоднократные попытки укрепить берег путем забивания свай предпринимались и позднее, но безрезультатно. Сегодня эта техническая задача была бы вполне решаемой. Но собор не дождал до наших дней – в 30-е годы прошлого столетия, когда советская власть вела яростную борьбу с религией, он был уничтожен.

С противоположной Троицкому собору стороны излучина Сысолы, вдоль которой вытянулся Усть-Сысольск, «замыкалась» Вознесенской кладбищенской церковью, построенной в 20-е годы XIX века в слободе Кируль. Этот небольшой одноэтажный храм, соединенный («в одной связи») с колокольней, довольно простых и изящных

форм, выполнен по одному из типовых «образцовых проектов» в стиле «русский ампир», разработанных в начале XIX века столичными архитекторами для строительства «в губернии». Кирульская церковь – трехчастная. Над папертью возвышалась двухъярусная колокольня, завершенная высоким шпилем. Через закрытую паперть попадали в вытянутое прямоугольное в плане помещение зимнего храма, соединенного с основным кубическим бесстолпным летним храмом, увенчанного широким барабаном с овальными окнами, дававшими много света, и куполом. Это единственный храм старого Усть-Сысольска, дошедший до наших дней. Но в настоящее время пропорции храма искажены тем, что утраченная колокольня восстановлена «на один ярус».

Кирульский храм по размерам был значительно меньше Троицкого и Покровского, а колокольня его – ниже, поэтому он не «уравновешивал» своего старшего брата. В городской речной панораме белая вертикаль колокольни Вознесенской церкви служила «точкой», завершающей городские кварталы с восточной стороны. Для тех, кто приплывал в Усть-Сысольск с верховьев Сысолы, храм обозначал своеобразный «вход» в «столицу зырянского края».

А между колокольнями Троицкого собора и Вознесенской церкви, прямо по центру города, но несколько в глубине, хорошо был виден массивный Стефановский храм – четвертая и последняя каменная церковь Усть-Сысольска. Он и находился в центре – на Стефановской площади. Несомненно, своими размерами Стефановская церковь производила на современников глубокое впечатление. Даже по нынешним меркам они внушительны: примерно 47 метров в длину, 26 – в ширину и 45 – в высоту (включая главы). Это было самое большое здание, построенное в дореволюционном Усть-Сысольске. С архитектурной точки зрения ничего особенного храм не представлял. Здание строилось в подражание образцам древнерусской архитектуры, но по эстетическому впечатлению ни в какое сравнение с ними не шло. Массивное двухэтажное здание, с плоскими невыразительными фасадами, расчлененными рядами окон, завершалось пятью куполами. Вероятно, оно строилось на основе типовых проектов, поскольку «план и фасад» были составлены в очень короткий срок в Усть-Сысольске, где не было профессиональных архитекторов (сам план найти не удалось).

Храм, как мы уже знаем, строился очень долго, с 1856 по 1881 годы. Обустройство второго этажа (собственно Стефановской церкви) было закончено только к 1896 году. Но еще более 15 лет огромная церковь и построенная рядом с ней шатровая трехъярусная колокольня доделывались и благоустраивались. Однако эти работы так и не были доведены до конца*.

* История строительства Стефановского и других храмов подробно рассказана в главе об Усть-Сысольском Троицком приходе.

Православные храмы, без сомнения, были самыми заметными зданиями в маленьком провинциальном Усть-Сысольске. Тем не менее лицо города определяли не они. Более многочисленными были выделяющиеся своим видом из общего ряда административные здания, хозяйственные и торговые постройки, дома учебных заведений. Но подавляющее большинство городских строений – до 80% – составляли жилые дома городских обывателей (а в пригородах других и не было). Некоторые сведения о численности городских домов уже приводились выше. И все-таки давайте поподробнее рассмотрим, как росло число усть-сысольских построек (включая и пригородные местечки).

В статистических справочниках и отчетах в данных о численности домов нет единообразия – иногда учитывались только жилые дома (с включением в их число зданий, в которых помещались государственные учреждения и учебные заведения), иногда – жилые и хозяйственные постройки (лавки, будки, склады и т.п.). Число последних было невелико, так что общую картину они искажают не сильно. Вот некоторые данные о численности построек Усть-Сысольска: в 1782 году в новообразованном городе насчитывалось 324 двора, в 1826 году – 481, в 1836 году – 498, в 1859 году – 562, в 1867 году – 577 (без казенных), в 1899 году – 724, в 1910 году – 940 домов. По числу домов Усть-Сысольск твердо удерживал третье место в Вологодской губернии после Вологды и Великого Устюга [35].

Для городов северной и центральной России определенным показателем прогресса, отличительным признаком по сравнению с селом, были каменные (точнее, кирпичные) здания. Однако в Усть-Сысольске, как и во всех северных городах, каменная застройка была минимальной. В краю, богатом лесом, испокон веков основным строительным материалом было дерево. Каменные дома были островками в море деревянных построек. В Усть-Сысольске вплоть до начала XIX века они вообще не строились. В 1825 году в городе было всего три каменных здания (не считая церквей). Два из них принадлежали богатому семейству Сухановых и один – торгующему мещанину Василию Латкину.

Долгое время каменного строительства в городе почти не велось. В 1836 году в городе имелось 4 каменных здания, из них 1 принадлежало «городскому обществу» (здание ратуши), 1 – купцу и 2 – мещанам (это два дома Сухановых, перешедших к этому времени в мещанское сословие). В 1843 году среди домов обывателей числятся все те же три каменных здания Сухановых и Латкина. В 60-е годы XIX века в городе числились 1 казенный (в этот разряд перешел один из домов Сухановых, поскольку в нем размещалось городское училище), 1 общественный (очень ветхое здание ратуши, вскоре разобранный) и 2 частных каменных дома. Некоторый прогресс наметился только в следующее десятилетие. В 1879 году в Усть-Сысольске было уже 7 каменных зданий (не считая церквей), из них 2 «казенных», 2

Курная изба в пригородном местечке

лавки-подвала и всего 3 жилых (к прежним прибавился дом с флигелем купчихи Людмилы Суворовой на набережной улице, построенный в 1877/78 годах на месте разобранной ратуши).

Каменное строительство несколько оживляется в конце XIX – начале XX веков. По «Ведомости о числе зданий» за 1894 год, в городе имелись 12 каменных построек, в том числе 2 «казенные», 1 – церковная (подворье Ульяновского монастыря) и 4 частных жилых, остальные – лавки и магазины. В 1910 году их стало 13. К 1917 году число кирпичных строений перевалило за два десятка. Но даже в это время каменные дома всех типов составляли менее 1,5% городских построек. По числу каменных зданий Усть-Сысольск значительно уступал многим городам Вологодской губернии и Архангельску: в 1910 г. в Вологде было 135, Архангельске – 110, Великом Устюге – 80, Грязовце – 44, Кадникове – 36 и Тотьме – 25 каменных строений. Во многих северных городах доля каменных зданий была существенно выше, чем в «столице зырянского края»: в Грязовце – 8,1, Кадникове – 6,9, Великом Устюге – 5,1, Вологде – 4,5, Архангельске – 4,1, Тотьме – 4,1% [36].

Как мы видим в разного рода статистической отчетности, все городские здания – и каменные, и деревянные – часто довольно произвольно делились на самые разные группы: казенные (принадлежащие государственной казне), общественные (принадлежащие городскому обществу), часто объединяемые в одну группу с казенными, церковные (принадлежащие церкви хозяйственные и жилые строения), частные жилые, частные торговые, фабричные и т.д. Во всех этих группах немудрено и запутаться. Проще разделить их на нежилые (административные, церковные, учебные, учреждения здравоохранения, общественные, торговые и промышленные заведения и т.д.) и жилые. История «учрежденческих» зданий, составлявших мизерный процент городской застройки, подробнее рассказывается в соответствующих очерках, а мы повнимательнее приглядимся к жилой застройке.

Надо иметь в виду, что жилые дома – и каменные, и деревянные – дома семейные, центры семейных хозяйств. Городской дом, и в пригороде, и в центре – это, как правило, жилище одной семьи (исключение – несколько «доходных домов», о которых будет упомянуто отдельно). Разумеется, были богатые семьи, владевшие и двумя, и тремя домами (в 1873 году, например, они составляли 2,6% семей-домовладельцев) [37]. Очень мало было семей, не имеющих своих домов и «снявавших квартиры» (в это число, конечно же, не входят те, кто приезжал в город на короткое время – торговцы, учащиеся, командированные чиновники). Как правило, это семьи служащих, недавно поселившихся в городе. Через некоторое время и они обзаводились своим домом.

И образ жизни, и занятия большинства горожан, и особенности городской жизни в целом, о которых уже шла речь ранее, оказывали влияние на организацию жилого пространства. В Усть-Сысольске, как и практически во всех малых российских городах, все дома строились «со службами», были центрами усадеб. Эти усадьбы, включавшие ряд жилых и хозяйственных построек, и составляли городскую застройку. Территория усадьбы и была двором, но двором семейным. Общих дворов, как в больших городах, «каменных джунглях», Усть-Сысольск не знал.

По-видимому, в конце XVIII застройка пригородов и городского центра, пока сохранялись дома догородской постройки, отличалась немногим. Но постепенно в ней начали вырисовываться заметные различия, и в первой половине XIX века городской центр уже имел вид, совершенно отличный от облика пригородных местечек. Пригороды развивались как сельские поселения и по внешнему виду мало отличались от коми сел. «Эта часть города, – отмечал в 1912 году усть-сысольский учитель П.П.Ползунов, – уже ничем не отличается от деревни: гумна, поля, совершенно крестьянская обстановка хозяйства, все доказывает, что тут городского мало» [38].

Поскольку до 60–70-х годов XIX века постройки жителей пригородов были «не совсем легальными», никакого разрешения на строительство у городских властей они не спрашивали. А жаль, потому что в прошении они обязаны были бы указать, какой именно дом собирались строить. Сохранилось довольно много прошений 70–90-х годов XIX века, что позволяет подробнее рассказать о застройке пригородов этого и более позднего времени. О том, какие дома преобладали в первой половине XIX века, можно только догадываться. Одно можно сказать определенно – правил городской застройки жители местечек не выполняли и строили свои дома по старинным образцам.

Судя по краткому описанию В.Кичина, и в 60-е годы XIX века в слободах было немало домов, относившихся к самому старому типу крестьянских жилых построек: двухкамерному дому (к жилому срубам прирубались холодные сени) на высоком подклете, перекрытому односкатной крышей из теса. Такие дома топились по-черному (то есть не имели вытяжной трубы, а дым выходил через двери и окна). В пригородах они сохранялись вплоть до начала XX века. В городе такие дома были только в Подгорье. Это были постройки самых бедных горожан. Кстати говоря, долгое время по-черному топились вообще большинство домов в слободках. По крайней мере, еще в 60–70-е годы XIX века таких домов в предместьях было достаточно много [39].

Но к концу XIX века большинство слободских домов были другими. Самыми распространенными, как и в селе, были два типа дома: дом-связь и пятистенки. Дом-связь – более старый и распространенный тип, ведущий свою «родословную» из догородского Усть-Сысольска. Вот, например, мещанка И.Лыткина из Кодзвила, обратившись в 1882 году за разрешением на строительство такого дома, так и написала, что он будет «подобно всем строящимся городским домам», а отставной солдат Я.Шешуков в 1883 году просил разрешить построить в слободке Изкар «обыкновенный крестьянский дом».

*Дом с жилой горницей вместо сеней.
Современный снимок*

Это сооружение получило такое название потому, что состояло из двух рядом стоящих, но не вплотную, срубов, «связанных» между собой сенями, над которыми «состыковывались» односкатные тесовые покрытия обеих изб, образуя единую крышу. Придумав такой дом, наши предки, по существу, создали прототип современных «домов-модулей» – ведь каждая из трех частей этого дома (изба – сени – изба) была автономной и при необходимости могла быть заменена без разборки всего сооружения (что, собственно, владельцы домов регулярно и проделывали). Сохранились обращения местечковых обывателей в городскую управу с просьбой разрешить им, к примеру, «западную часть дома сломать и выстроить новую избу», «построить другую половину дома, которая будет об одной избе». Мещанин В.Фролов в 1894 году просил дать разрешение на перестройку, поскольку после смерти отца ему достался «деревянный дом, разъединяющийся сенями на две половины, из которых одну половину он «построил новую, другая еще старая ветхая, не пригодная для жилья».

Первоначально в таком доме жилой была только одна изба, а вторая (клеть) служила для

*Дом-пятистенок.
Современный снимок*

хранения домашнего имущества, а в летнее время – спальней. Однако в конце XIX века такие дома уже были редкостью. Встретилось всего одно прошение 1883 года мещанина П. Мартынова из Нижнего Конца о разрешении на строительство дома, в котором «в одной половине будет жилое помещение, а в другом – нежилое». Обычно мещане просили разрешить строить дом «из двух жилых изб». Одна из них (зимняя изба) имела русскую печь (она располагалась у двери и была обращена устьем вглубь комнаты) и была и жилой комнатой, и кухней, вторая служила горницей и отапливалась печью-голландкой (такие печи в пригородах появляются довольно поздно), а то и вовсе была неотапливаемой.

Разновидностью такого дома является достаточно часто встречавшаяся в конце XIX – начале XX веков постройка с жилой неотапливаемой горницей вместо сеней. В этом случае сени пристраивались позади дома, а сам дом становился трехкомнатным. Вероятно, именно такой дом имели в виду жители Козьвилля И. Тентюков, когда в 1883 году просил разрешить построить ему «деревянный одноэтажный дом о трех покоях», и мещанин А. Клыков из местечка Клыков-Грезд, обратившийся в 1885 году за разрешением на постройку дома «о трех комнатах понизу» [40]. Самый старый известный такой дом относится к 1858 году (до недавнего времени он стоял в местечке Тентюково на ул. Интернациональной, 53, сохранился его план), но наверняка они строились и раньше.

Очень распространен был и «пришедший» из городского центра пятистенок. Он представлял из себя прямоугольный сруб, разделенный капитальной стеной на два помещения. В одной из них размещалась кухня с русской печью (иногда в ней же и жили), во втором – жилая горница. Сени прирубались позади дома. Иногда часть их выгораживалась под кладовку. Пятистенок – относительно новый для пригородов тип дома, появившийся уже в городской период под влиянием типовой застройки центра. Старейшие из доживших до наших дней пятистенки были построены в 1870 и 1872 годах (они стояли на ул. Тентюковской, 15, 270). Вероятно, тогда они были еще достаточно редкими, поскольку в прошениях на строительство того времени пятистенки почти не упоминаются.

Характерной особенностью пригородных домов был крытый хозяйственный двор, пристроенный к жилому зданию (жилая и хозяйственная части разделялись сенями), точно такой же, как и у домов сельских ком. Он был двухъярусный – верхний служил сеновалом, нижний – скотным двором. На верхний ярус с улицы вел широкий бревенчатый взвоз – по нему могла подняться лошадь с телегой. В хозяйственный двор через небольшую дверь можно было попасть и из сеней жилой части.

Каждый, кому приходилось бывать в коми селах, без труда представит себе эти постройки, внушительные по размерам (до 15 метров по фасаду и 6-12 метров в длину, вместе с хозяйственным

двором), на высоком подклете, столь характерном для северных домов (поэтому высота сруба даже без крыши была довольно внушительной – до 4 метров), сложенные из толстых сосновых бревен (лишь нижние 2–3 венца выкладывались из лиственницы, поскольку она практически не поддается гниению). Углы рубились «в чашу», т.е. окончания бревен выступали за плоскость стены. Бревна сруба для сохранения тепла перекладывали мхом, для чего в нижней их части вырубали специальный паз (до середины XIX века он чаще делался в верхней части бревна). Окна были небольшими, косячатыми, довольно высоко от земли. Рамы не имели петель, и окна не открывались. Двускатные крыши покрывались тесом (вытесанными из расколотого вдоль бревна плахами с желобом посередине – для стока воды), накладываемым на слези и прижимаемым жердями. Часто на соединение скатов крыши клали бревно-охлупень, прижимающий всю конструкцию.

В дом вело высокое крыльцо в 5–8 ступеней, перекрытое односкатной крышей, опирающейся на столбы. В начале XX века в некоторых домах было «усовершенствованное» крыльцо: обшито досками, с широкой площадкой. Такое крыльцо могло служить дополнителными сенями или кладовкой. У дома-связи крыльцо располагалось на лицевой стороне дома, а у пятистенков – сбоку.

Сегодня старинных деревянных домов почти не осталось, но еще десять лет назад их было довольно много в тех частях Сыктывкара, которые раньше были пригородными местечками. К примеру, на ул. Тентюковской (бывшая слободка Тентюково) еще в середине 80-х годов прошлого века стояли 86 домов, построенных до 1917 года, в том числе дома 1858, 1862 (в начале ул. Интернациональной, также относившейся к бывшей Тентюковской слободке), 1870 и 1872 годов постройки. Около 30 домов дореволюционной постройки (в основном конца XIX – начала XX века) до недавнего времени сохранялись на ул. Заводской (бывшее местечко Кируль). Сейчас о большинстве из них можно судить только по фотографиям и сохранившимся планам.

Застройка городских кварталов была совсем иной. Те, кто стал «настоящим горожанином», были вынуждены подчиняться жестким строительным правилам и инструкциям, указывающим на то, что и как они должны строить. Уже при Петре I в Петербурге начали внедряться так называемые «образцовые проекты», являвшиеся прообразом современной типовой застройки. В середине XVIII века они добрались и до провинции. Первая серия «примерных фасадов» была разработана в 70-е годы XVIII века и состояла из восьми изображений домов и лавок. Набор рисунков фасадов прикладывался к планам городов [41]. Несомненно, такие рисунки, приложенные к плану застройки 1783 года, были присланы и в Усть-Сысольск*. А в сопроводительном тексте к плану было четко расписано, какие дома должны строить новые городские обыватели:

* Эти рисунки, к сожалению, не сохранились.

Покровская улица. На переднем плане – дом Суханова

«Партикулярные каменные дома могут строить против прочих вновь строящихся городов по представленным при сем примерным фасадам под № 1, 2 и 3 какие в каком г[осподин] ген[ерал]-гу[бернатор]... назначит, и купеческие с лавками дома по фасаду под № 6. По желанию хозяев позволить строить и выше сих фасадов и с лучшими украшениями, [от пожара] делать брандмауэры от кровли не ниже аршина, а стоков с кровель на соседние дворы не делать. Деревянные дома... строить по фасадам № 3, 4 и 5 на каменных жилых погребах, на каменных фундаментах и без каменных фундаментов, кто как пожелает, но чтоб всякое деревянное одно от другого не ближе 5 сажень, не выше 6 аршин, а не более каждый деревянный корпус строить двенадцати сажень, а в два жила деревянное строить не допускать... Кровь крыть на каменных железом или черепицею, а доколе черепичные заводы размножатся тесом и гонтом, на деревянные строения тесом и гонтом...» [42].*

Внуки Екатерины II императоры Александр I и Николай I достойно продолжили начинания своей великой бабки в деле стандартизации городского строительства, поскольку искренне полагали, что только им ведомо, что хорошо для подданных Российской империи. В начале XIX века во Всероссийской комиссии строений была

разработана новая серия типовых фасадов, а также заборов и ворот. В 1809 году был издан Высочайший указ «О строении частных домов в городах по вновь Высочайше утвержденным фасадам», предписывающий «не иначе давать от сего времени дозволение строить дома в городах... как по произвольному выбору тех, кто желает строиться одного из Высочайше утвержденных фасадов». В 1812 году к ним добавили новые «Высочайше апробированные фасады». А заодно государь утвердил и 26 чертежей городских кварталов, которыми надлежало руководствоваться «в случае назначения городских кварталов и разделения оных на обывательские места».

Подданным Его Императорского Величества предлагались не пять-десять, а более пяти десятков фасадов домов, ворот, заборов. Так что у городских обывателей было из чего выбирать! Вот и писали они, как мещанин Г.Цивилев в 1838 году, что желают построить «по Высочайше апробированным фасадом дом 3 части под № 9 на 5 саженьях, а флигель в той же части под № 10 на трех саженьях, вокруг оного ворота и забор по книге 5-ой части № 52». Вообще-то наибольшей популярностью пользовались дома с фасадом 1-ой части № 39 и 3-ей части №№ 9 и 10, забор № 55 и ворота № 82 (в переводе на понятный язык – обыкновенные пятистенки с глухим забором и одностворчатыми воротами) [43].

Заявления эти подавались в «учрежденную в городе Усть-Сысольске на отвод под постройку

* 1 аршин = 16 вершкам = 71,12 см.

*Дом Оплеснина.
Современный
снимок*

домов мест комиссии» с указанием не только номеров фасадов, заборов и ворот, но и квартала и планового места, которое желал бы занять застройщик. За это место он еще должен был заплатить в городскую казну (поэтому бедные горожане просили разрешить им строиться на выгонной земле – за нее не надо было платить). Документы рассматривались губернским землемером, после чего возвращались в городскую думу. Только тогда счастливый потенциальный новосел получал утвержденные план участка, чертежи фасада, забора, ворот и разрешение на строительство, подписанное городничим, губернским землемером, гласными городской думы и ратмана-

ми. Одним словом, получить разрешение на строительство было не так-то просто, и уж, разумеется, эта процедура не была быстрой.

Поскольку планы, чертежи и разрешения на строительство выдавались на руки застройщикам, в архивах городских учреждений они отсутствуют. Но не бывает правил без исключения. В 1837 году в комиссию обратилась чиновничья вдова («коллежская секретарша») Е.И.Хохрякова с просьбой переписать на нее план на строительство дома в 21-м квартале на плановом месте № 395 (угол Сухановской и Спасской), выданный в 1835 году мещанину М.Латкину, поскольку тот строиться не желает и согласен усту-

*Дом Оплеснина.
Современный
снимок*

Дом Жеребцова.
Современный
снимок

пить ей это право. Просьба была удовлетворена, и почтенная дама получила новый план (точнее, копию старого), а план Латкина с разрешением на строительство был сдан в комиссию, посему и сохранился (это как раз самый распространенный вариант – фасад 3-й части под № 9, ворота № 82 и забор № 55). Вот это разрешение (обратите внимание – в разрешении указывалась и обязанность хозяина содержать в порядке участок улицы перед своим домом):

«В оное место назначено вновь строить деревянный дом... наружные стены дому обшить тесом, а если проситель не пожелает, может и без оного, выкрасить краской одной из Высочайше апробированных с воротами и забором одинаково. Надворные постройки должны быть не выше шести аршин и каждый деревянный корпус в длину не

более двенадцати сажен и один от другого не ближе пяти сажен и чтобы как дом так и службы были крыты [тесом]; притом же обязывается означенный дому хозяин или кому сей дом впредь поступит во владение, против дома и места ему принадлежащего, дороги и перила, также и канавы содержать во всегдашней исправности...» [44].*

Оказывается, и красить дома можно было только в «Высочайше апробированные» цвета. На сей счет существовал Именной, данный Управляющему Министерством полиции указ 1817 года, в котором, в частности, предписывалось: «запрещается пестрить дома краскою, как например видел Я черные ставни и двери на выбеленных домах... Вообщем позволять красить дома нижеследующи-

* Слово неразборчиво.

Дом Жеребцова.
Современный
снимок

*Дом Кузьбожевых.
Снимок 40-х гг. XX в.*

ми только цветами: белым, палевым, бледно-желтым, светло-серым, диким, бледно-розовым, сибиркою, но с большею примесью белой краски и желто-серым». А чтобы горожане не сомневались, является ли выбранный ими цвет «диким» или «сибиркою», в города были доставлены дощечки «для показания настоящих цветов» [45]. Так что государь лично заботился об эстетическом воспитании подданных!

Набор «образцовых фасадов» начала XIX века с некоторыми изменениями и дополнениями являлся руководством к действию вплоть до середины столетия. Разумеется, такой подбор порядка, как государь император Николай I, тоже не мог обойти вниманием частное строительство.

При нем, например, был принят Устав строительный (1842 год), почему-то запрещавший строить в городах двухэтажные деревянные дома. Опять же по непонятным причинам исключение было сделано только для Архангельска и городов Олонецкой губернии. В 1854 году были утверждены десять новых образцовых фасадов деревянных домов в 3, 4 и 5 окон, что было обусловлено предоставлением городничим права давать разрешение на постройку в уездных городах домов, имеющих до 5 окон.

Однако запрещение на строительство двухэтажных домов довольно быстро было отменено. В июле 1844 года вологодский губернатор обратился в Министерство внутренних дел с просьбой

Национальный музей РК (бывший дом Кузьбожевых)

*Городской
дом-крестовик.
Современный снимок*

разрешить строить двухэтажные дома и в городах Вологодской губернии. Он ссылался на донесение городничего Тотьмы, который отмечал, что после пожара, случившегося в 1843 году, многие горожане хотели бы построить именно такие дома. Интересно, что губернатор считал, что двухэтажные дома выгодны прежде всего бедным горожанам – и материала на строительство уходит меньше, и один этаж можно сдавать. Вопрос был решен на удивление быстро – уже в сентябре 1844 года губернатор был извещен о том, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил» разрешить строительство таких домов, что и было закреплено Высочайшим указом «О разрешении жителям

уездных городов Вологодской губернии возводить деревянные дома в два этажа» [46].

Постепенно и государственный контроль за частным строительством начал ослабевать. Надо иметь в виду, что он и раньше все же не был абсолютным. Застройщики обязывались придерживаться типовых фасадов лишь в общих чертах и имели право несколько изменять их в соответствии со своими вкусами и возможностями. Внутренняя планировка жилища вообще была их личным делом, но, конечно, она должна была быть «привязана» к выбранному «образцовому фасаду». В 50-е годы XIX века мещане в прошении стали указывать только размеры жилого строения и число окон по фасаду. Еще в 70-е годы представ-

*Двух-
этажный
дом-крес-
товик
Забое-
вых.
Начало
XX века*

ленные рисунки фасадов сличались с «образцовыми» (в разрешении указывалось – «фасад оказался схож»). Но уже в следующем десятилетии рисунок фасада утверждался без сличения с «образцовым» прототипом, а сама обязанность строить по образцовым проектам была официально отменена. В конце XIX века горожане перестали указывать и размеры, и число окон будущего дома (но, разумеется, неукоснительно получали и оплачивали разрешение на строительство на указанном плановом месте) [47]. Однако к этому времени городская застройка, сложившаяся под влиянием «образцовых проектов», уже давно стала традиционной.

Самыми заметными домами Усть-Сысольска, без сомнения, были немногочисленные кирпичные особняки городского купечества. Один из них, старейший жилой каменный дом города, свидетель почти всей городской истории, можно увидеть и сегодня. Он стоит в самом начале улицы Орджоникидзе (бывшая Покровская), недалеко от крутого спуска к Сыsole, ничем особенно не выделяясь из окружающих его зданий. Сегодня его занимает Национальный музей Республики Коми. А построен он был в начале XIX века самой известной купеческой фамилией города Сухановыми (разрешение на строительство было выдано в 1801, а впервые упоминается как уже построенный в 1815 году). Одновременно недалеко от него, на улице Набережной (на месте, где сейчас стоит здание МВД Республики Коми), представители другой ветви Сухановых построили еще один каменный дом-«близнец» (он несколько отличался только размерами), но этот дом не сохранился (его разобрали в конце 30-х годов XX века).

Строительство таких домов в начале XIX столетия было под силу только очень богатым семьям. Сухановым пришлось «заводить» кирпичный завод, чтобы заготовить кирпич на строительство. «Каменных дел мастеров» в городе не было, никто не мог выполнить и столярную работу, поэтому, «тогда когда они предприняли строить оные [дома], то выписывали кирпичных и каменных мастеров из Вятской губернии, а столярную работу из Архангельска до самой малейшей рамы» [48].

Дом Сухановых – типичный провинциальный особняк, построенный в стиле классицизма по «образцовому» проекту. Для классицизма характерны строгость в оформлении зданий, геометрия форм, использование элементов античной архитектуры. Эти черты отразились и в облике дома Суханова. Двухэтажное здание декорировано очень скромно. В центре фасада – слабый выступ в виде портика с фронтоном, разделенный на уровне второго этажа лопатками, которые соединены над окнами декоративными арками. Первый этаж облицован рустами (камнями с выпуклой поверхностью). Крыша четырехскатная, покрытая железом. Комнаты на каждом этаже располагались анфиладами, т.е. примыкали друг к другу, и двери их были расположены на одной оси, что также весьма характерно для классицизма.

Большие прямоугольные окна давали много света [49].

О том, как выглядел построенный в начале 20-х годов XIX века дом Василия Латкина, мы ничего не знаем – ни сам дом, ни его изображения не сохранились. Известно только, что он был одноэтажным и стоял в четвертом квартале на плановом месте № 38, на углу Спасской и Никольской (совр. ул. Советская и Пушкина). Вероятно, он был выстроен не очень качественно, поскольку простоял очень недолго (в середине XIX века его уже не было). Следующий каменный одноэтажный дом с флигелем купчихи Суворовой, построенный в 1877/78 годах на Набережной улице сохранился, но в сильно перестроенном виде (сейчас он соединен пристройкой с основным зданием МВД РК, ул.Кирова, 38).

Большинство каменных зданий, построенных в конце XIX – начале XX веков уже по индивидуальным проектам, дошли до наших дней (правда, часть из них перестроена). Лучше других в своем первоначальном виде сохранились дом В.П.Оплеснина, построенный в 1892 году (ныне Финно-угорский культурный центр, ул. Советская, 25), декоративные элементы оформления которого заимствованы из древнерусской архитектуры и барокко; дом Кузьбожева (год постройки 1896, ул. Куратова, 15), дом Жеребцова (год постройки 1911, ул. Интернациональная, 90), дом Н.Д.Оплеснина (построен в 1908 году, ул. Коммунистическая, 5), выстроенный в стиле «модерн» дом Кузьбожевых (год постройки 1912, одно из зданий Национального музея РК, ул. Коммунистическая, 6). Эти, по масштабам Усть-Сысольска, большие красивые дома, демонстрирующие достаток своих владельцев, сосредоточенные на небольшом пространстве в центре, придавали ему нарядный вид.

Но Усть-Сысольск – это прежде всего море деревянных домов. По известным причинам архитектурной оригинальностью они не отличались. Наиболее типичными по планировке домами городского центра второй половины XIX – начала XX веков были пятистенки и шестистенки-крестовики (это вообще самый распространенный тип дома в российских городах). Шестистенки представляли из себя квадратный или прямоугольный в плане сруб, разделенный на четыре части двумя крестообразно пересекающимися капитальными стенами (они иногда ставились не по центру фасада). Обычно одно из четырех помещений служило сенями (часть их выгораживалась под кладовку), второе – кухней с русской печью и плитой, и два – жилыми горницами. В некоторых домах сени заменяло крыльцо-тамбур, обшитое досками, – в таком случае получались три жилые комнаты.

Пятистенки издавна были известны в русских городах. В Усть-Сысольске они, вероятно, появляются в начале XIX века, вытесняя дом-связь. Возможно, такая конструкция дома была подсказана местным жителям приезжими русскими и довольно быстро получила распространение, поскольку она, в отличие от дома-связи, соответствовала «образцовым фасадам». И уже из го-

Трехсвятительская улица. На заднем плане – один из “доходных домов”. Начало XX века

родского центра пятистенков начал «триумфальное наступление» сперва на городские окраины, а затем и в коми село, где к концу XIX века он стал одним из самых распространенных типов домов.

Пятистенки строили семьи победнее, шестистенки – позажиточнее. Шестистенков-крестовиков, также хорошо известных в старых русских городах, «вырос» из пятистенка к концу первой половины XIX века. Как он появился в Усть-Сысольске – в результате заимствования или местного строительного творчества – неясно. Самые ранние из доживших до наших дней городские крестовики построены в 80-е годы XIX века (до недавнего времени такой дом стоял на ул. Ленина, 96). Сохранился план дома-шестистенка богатого купца второй гильдии Андрея Никитина, датированный 1879 годом (по формальным причинам постройка не была разрешена). Но, скорее всего, такие дома строились и раньше. В поселках при железоделательных заводах бытование таких домов отмечено уже в середине XIX века, а туда они, вероятно, «добрались» из города [50].

На усть-сысольских улицах можно было увидеть и другие типы одноэтажных домов, получавшиеся путем усложнения шестистенка, добавления новых деталей. Например, дом-семистенков, то есть имевший не две, а три внутренние стены и соответственно шесть помещений. Фасад такого дома получался вытянутым. И иногда украшался одним или двумя фронтонами. Разновиднос-

тью таких домов является дом с мезонином – небольшим квадратным в плане срубом («башенкой», «вышкой», как его называли), «врезанным» в середину крыши и перекрытым «на два ската». Первое упоминание о таком доме относится к 1838 году. Но домов с мезонином было немного. В 1843 году в списке обывательских домов их числится всего 4, а в 1917 году – 19 (в том числе 3 двухэтажных) [51].

В конце XIX – начале XX веков происходит своеобразное «возрождение» в городе традиционного сельского дома-связи. Это произошло, по-видимому, с притоком в город сельского населения и ослаблением контроля за строительством. Но такие дома появляются только на слабо застроенных окраинах городских кварталов. В старом центре по-прежнему строились в основном пятистенки и шестистенки – для коми горожан они уже стали традиционными.

В Усть-Сысольске первой половины XIX века двухэтажные деревянные дома были редкостью. В «Книге обывательской» за 1843 год отмечены семь таких домов, причем все они принадлежали купцам и торгующим мещанам. «Отличился» городской голова Степан Латкин, имевший три таких дома. Впрочем, это могли быть хорошо известные в более позднее время шестистенки с жилым подклетом. Именно торгующие люди могли додуматься до того, чтобы превратить подклет из хозяйственного помещения, каковым он был во всех домах, в лавку – для этого надо было насте-

лить полы, прорубить оконца и низенькую дверь. Иногда здесь же выгораживалась небольшая комната для прислуги. Такие дома, строго говоря, нельзя считать двухэтажными.

В 1880 году в городе числилось уже более полусотни, а в 1917 году – свыше 70 двухэтажных домов, что составляло более 15% всех жилых построек в черте городских кварталов. Скорее всего, в это число вошло и некоторое количество домов с жилым подклетом, из числа тех, что были повнушительнее. Сконцентрированные на небольшой площади центра, вкуче с одноэтажными домами с жилым подклетом, они придавали городской застройке внушительный вид. Газета «Вологодские губернские ведомости» в 1900 году отмечала: «Усть-Сысольск городок хотя и небольшой, мало чем отличается от своей метрополии – Вологды. Дома большей частью 2-этажные» [52]. Надо отметить, что в Усть-Сысольске не было «смешанных» двухэтажных домов (первый этаж – кирпичный, второй – деревянный), довольно распространенных в городах центральных и южных районов страны. Удалось найти упоминание только об одном таком усть-сысольском доме.

Большинство усть-сысольских двухэтажных домов действительно «выросли» из одноэтажных шестистенков и семистенков – подклет «подрос», став полноценным этажом. Обычно такие дома ставили на кирпичном фундаменте, а полы настилали выше его уровня, примерно на метровой высоте, и таким образом получался новый подклет, только не такой высокий и не используемый для хозяйственных целей. Образцом такой постройки являлся дом известного в городе человека, купца, бывшего и городским головой, Ивана Назаровича Забоева, построенный в 1896 году (дом не сохранился, находился на Набережной (ул. Кирова), на этом месте сейчас здание Пенсионного фонда). Это был двухэтажный крестовик, по размерам схожий с такой же одноэтажной постройкой, отличавшийся от нее только пристроенными сенями, в которых была устроена лестница на второй этаж, и более развитым крыльцом – оно было оформлено фронтонами с пропиленной резьбой и резными столбиками, поддерживающими навес. Первый этаж использовался как торговое помещение, а второй был жилым.

Встречались и другие типы двухэтажных деревянных домов. Некоторые из них – богатые особняки купечества – строились по индивидуальным проектам. Образцом такого особняка является дом крупного торговца и общественного деятеля И.П. Комлина, построенный в 1895 году (ул. Кирова, 33, сейчас в нем – городской военкомат). Особняк был выстроен на территории, фактически находившейся уже за городскими кварталами, поэтому купец мог не стесняться себя необходимостью «уложиться в плановое место» и выстроил обширную усадьбу в двух шагах от центра города.

В конце XIX – начале XX веков на городских окраинах появилось несколько принадлежащих частным лицам двухэтажных «доходных домов»,

предназначенных для сдачи жилья внаем. В них селились приезжавшие на работу в город сельские жители, наиболее бедные горожане (но столь характерные для промышленных городов рабочие казармы, бараки и тому подобные строения в полусельском Усть-Сысольске отсутствовали). В таких домах было по 5–6 квартир на каждом этаже, и они имели либо секционную, либо коридорную планировку. В первом случае эти дома представляли из себя несколько пристроенных друг к другу крестовиков, каждый из которых был квартирой с отдельным входом, во втором – ряд четырехугольных срубов, соединенных общим коридором.

Приглядимся повнимательнее к тому, как устроены городские дома. Выясняется, к примеру, что большинство из них, как и сельские, стояли на так называемом стульчатом фундаменте: углы сруба опирались на вкопанные в землю деревянные столбы («стулья»), свободное пространство засыпалось землей и забивалось досками. Реже вместо столбов под углы сруба подкладывали большие камни (считалось, что от камней в дом будет идти холод). Кирпичные «ленточные» фундаменты были редкостью – их могли позволить себе только зажиточные горожане. Например, в 1843 году в городе насчитывалось всего лишь семь таких домов, причем пять из них принадлежали купцам. Также редко встречался бутовый фундамент (из камней на связующем растворе). Даже в конце XIX – начале XX веков дома на таком фундаменте почти не строили.

Вот чем дома городского центра отличались от местечковых и сельских, так это четырехскатной крышей, крепившейся на стропильной конструкции («на два ската») перекиривались только пятистенки). Опять же это отличие было определено «образцовыми фасадами». А вот крыли крышу, как и в селах, тесом. Кровельное железо из-за дороговизны применялось редко и только в домах зажиточных горожан. В 1910 году, например, им был покрыт всего 21 дом, включая каменные [53].

Число окон по фасаду тоже регламентировалось «образцовыми проектами». В городских кварталах преобладали дома в 3 и 5 окон. Можно предположить, что трехоконные дома были пятистенками, а пятиоконные – крестовиками. В конце XIX века число окон уже не регламентировалось. Обычное число окон – 3–6, но встречались и большие дома в 7 и даже 9 окон. Окна в городских домах были прямоугольными, большими по размеру, чем в пригородных. В более богатых домах оконные рамы были с переплетом, на петлях, а сами окна закрывались ставнями. Оконные наличники изредка украшались пропиленной резьбой. Но большинство семей украшательством домов себя не утруждали.

В первой половине XIX века горожан мало интересовали распоряжения властей относительно цветов, в которые они обязаны красить дома, поскольку мало кому приходило в голову этим заниматься. Мода на обшивку сруба досками и окраску появилась в «верхах» городского общества,

и очень долго у нее было мало поклонников. В 1843 году в городе был один «окрашенный» и еще один «обшитый тесом и крашеный» деревянные дома (оба – на «каменном фундаменте»). Причем принадлежали они богатым, по усть-сысольским меркам, купчихе Анне Ивановне Торокановской и купцу Матвею Матвеевичу Новоселову. Еще и в 60–70- годах XIX века прошения о разрешении обшить дом тесом очень редки. Например, за 1879 годы было всего два таких прошения, и оба – от священников городского Троицкого собора [54]. Но в конце XIX века обшивать дома тесом и красить стало распространенным обычаем.

Усадьбы жителей городского центра были обнесены невысокими глухими заборами, примыкающими к жилым домам, выходящими фасадами на «красную линию» улицы. Ворота располагались рядом с домом. Это все тоже «навеяно» «образцовыми проектами». В пригородах, по примеру сельских жителей, либо обходились вовсе без заборов, либо ограничивались «открытой» оградой – столбами с набитыми на них двумя-тремя жердями. При такой ограде нужды в воротах не было.

Хозяйственные постройки всегда располагались в глубине усадьбы. Характерной особенностью усадьбы жителя городского центра было то, что хозяйственные постройки строились отдельно от жилого здания. В отличие от жителей пригородов, указывавших в прошениях, что у них «сарай» и «сеновал» будут «в одной связи» с избой, городские мещане писали, что собираются строить дом «со службами». В пояснении к упоминавшемуся рисунку фасада дома Е. Хохряковой 1837 года так и сказано – «надворные службы» будут построены отдельно от жилого дома. Вероятно, сначала это было непривычно для горожан, но «образцовые проекты» мало подходили для сов-

мещения жилого здания и хозяйственного двора. А со временем такое «разделение» стало традицией.

Из усадебных построек городского центра, основываясь на прошениях на строительство, можно назвать погреб, амбар (часто они совмещались в одной постройке), скотный двор с сеновалом. Во всех усадьбах, как пригородных, так и городских, была баня. Очень долго даже у зажиточных семей бани топились «по-черному». Но в начале XX века большинство бань уже были «белыми» (имели вытяжную трубу). У многих семей они состояли из двух отделений: «прачечной» и «мыльни».

Для усадеб больших городских семей, особенно небедных, также весьма характерны флигеля, стоявшие отдельно от основного жилого дома. Они представляли из себя пятистенки или простой четырехстенный сруб, покрытый «на два ската», и были меньше основного дома. Флигель использовались как летняя кухня, жилье для гостей или прислуги, сдавались в наем. Иногда во флигель «выселяли» молодоженов, пока те не построят собственный дом.

Так выглядели дома и улицы старого Усть-Сысольска. Вероятно, добротные, аккуратные дома городского центра, перемежаемые солидными каменными особняками, справедливо производили благоприятное впечатление на многих современников. Заметим, что полусельский Усть-Сысольск был лишен таких примет крупных промышленных городов, как рабочие окраины с закопченными корпусами заводов, мрачными домами-казармами. «Промышленные предприятия» Усть-Сысольска в основном находились в пригородах, около реки и никак не портили городской пейзаж и экологию.

Глава 9. БЫТ И ПРАВЫ УСТЬСЫСОЛЬЦЕВ

Даже для Вологодской губернии Усть-Сысольск был «медвежьим углом», а большинство обывателей других районов необъятной Российской империи вряд ли вообще подозревали о его существовании. Евгений Кичин с иронией писал в 1849 году: «Что представляет себе какой-нибудь Петербургский житель, незнакомый с нашим краем, взглянув на точку, которой на географической карте обозначается город Усть-Сысольск нашей губернии? Вероятно, тогда в воображении его нарисуются самые неприятные, дикие картины всех частей этого города и во всех его отношениях. Даже он представит себе, что здесь разгуливают и медведи... когда только им вздумается от важности прогуляться без всякого опасения и строгости полицейского порядка» [1]. Да и не мудрено себе такое представить. «Сообщения о жизни маленького городка... редко попадают на страницы даже местной губернской газеты... события, интересные с точки зрения полицейской хроники, редко имеют место в Усть-Сысольском крае. Не бывает в городе сенсационных процессов, грандиозных банкротств, открытия памятников, — скромной и незаметной кажется жизнь столицы маленького крестьянского народа» [2]. Это написано через 60 с лишним лет, в 1912 году.

Действительно, жизнь устьсысольцев внешне текла тихо, без катаклизмов. Ну а что плохого в том, что в городе не бывало громких процессов и банкротств? И значит ли, что если об Усть-Сысольске мало кто знал, то в повседневной жизни обитателей «столицы зырянского края» вообще не было ничего интересного? Может быть, стоит приглядеться к ней повнимательней, и тогда и в ней обнаружатся свои прелести и интересные черты?

9.1. В гостях у горожан

Мы уже знаем, как строились дома горожан, как они выглядели снаружи. Теперь вместе с хозяевами заглянем внутрь, посмотрим, как живет обычная городская семья, тем более, что, по отзывам современников, устьсысольцы были гостеприимными людьми.

Сначала зайдем в один из городских окраинных домов. Сделаем мы это с помощью устьсысольского учителя и известного краеведа середины XIX века М.И.Михайлова. Он оставил довольно подробное описание коми сельского дома, «составленного» из двух изб под общей крышей, с пристроенным хозяйственным двором. Это типичный дом-связь, который в то время, как уже говорилось, в слободках был так же распространен, как и в селах. Вот что нам поведал учитель Михайлов:

«К лицевой стороне дома пристраивается открытое крыльцо с небольшим навесом. По узенькой лестнице с небольшим навесом в шесть или восемь ступеней вы входите в сени... тут пред вами три двери: прямо, налево и направо. Дверь, что прямо, ведет в обширный сеновал, который прирубается в длину дома и занимает столько же пространства, сколько вся керка. Обыкновенно, он состоит из двух отделений: верхнего и нижнего; в первом, имеющем с обоих боков широкие бревенчатые въезды, хранятся сено и громоздкая хозяйственная утварь, ткацкие станки, красна, сани, конская упряжь и т.п.; во втором — помещается домашний скот. Это последнее отделение разделено перегородкою еще на три, каждое с особым названием: «карта» — хлев для коровы, «гид» — хлев для овец... и «гидня» — конюшня для ло-

шадей. Дверь налево, грязная и закопченная, ведет в т.н. черную избу, всегдашний любимый покой зыряннина. Наконец, дверь направо идет в «кум» – горницу, чаще холодную, потому что печь в такой комнате считается излишней принадлежностью: здесь хозяин справляет все домашние торжества, а в праздник угощает друзей и знакомых. Внутреннее положение черной избы соответствует наружному безобразию дома. На лицевую сторону выходят три небольшие четырехугольные отверстия – «куричош-иньяс», которые заменяя окна, служат слабым проводником дневного света: в рамы этих окон вставлены мелкие обломки тусклых стекол, а при недостатке их рамы обтягиваются или бычьим пузырем, или лоскутами холста, пропитанными коровьим салом; зимой же, с наружной стороны для большей теплоты в окна замораживается тонкий прозрачный лед. Заметим, в переднем углу, узкий продолговатый стол – «пызан». И на прикрепленных к стенкам узеньких полочках... божницы... Над окнами тянутся полки, куда бросается все, что должно быть под рукой, от щетинной чесалки и берестяной тавлинки до ключа, за которыми хранятся все животы, все богатство зыряннина.

На аршин от полу, вокруг стен, лавки – «лабичъясъ», под которыми отведены места курам, пороссятам, щенкам. С правой стороны от входа огромная печь – «пачь», без дымовой трубы, искусно, впрочем, сделанная из вязкого и довольно прочного цемента, в состав которого входят глина, трава и сено труха. Это зырянское пекло занимает более половины комнаты, которая сама по себе без того была бы очень просторна. В углу, направо от дверей, устраивается домашний ручной жернов, ручная мельница; механизм этой мельницы самый простой: внутри квадратного деревянного ящика, плотно приделанного к стенам, находится небольшой жернов, приводимый в движение с помощью прикрепленной к нему сбоку палки... Подобные мельницы у зырян считаются необходимой принадлежностью почти каждого дома... Подле печи, ближе к окнам, голбец (под полом), с особенной дверью: здесь хранятся съестные припасы и кухонная посуда. Наконец, с печкой граничат полаты...

От верхнего косяка дверей идут к голбцу две широкие перекладки – «серь»... В домашней обиходной жизни зырян «серь» имеет то назначение, что на него кладут все необходимое в кухне... как-то: горшки, чашки, поварешки, ножи и т.п., до дров включительно. В стене, напротив дверей, близ самого потолка, устраивается маленькое оконце для освещения верхних частей избы, полатей и печки... Так как печь не имеет трубы, то вся изба скоро коптеет и делается совершенно черною, особенно потолок в пыли, в грязи и во всяких нечистотах... При

входе в нее, надобно сперва приготовить зрение, чтобы равнодушно смотреть на господствующую повсюду неприятность, не говоря уж об обонянии, которое не в силах выносить господствующего удушливого воздуха. Но зато в другой половине дома оба чувства успокаиваются. Тут и чисто, и опрятно, и все на месте. Стены и печь (если хозяину заблагорассудится скласть ее) нередко выбелены; лавок и полатей нет; окна высокие, симметрично расположенные; подле образов отсвечивают яркостью красок народные картины, большую часть религиозно-нравственного содержания... Бывает и кое-какая мебель: в переднем углу – расписанный яркими красками стол, два-три стула домашней работы, у дверей – шкаф с лучшей домашней посудой, чашками, яндовами, стаканчиками, чаще оловянными и медными» [3].

Со временем обстановка слободских домов менялась в лучшую сторону. К концу XIX века уже мало осталось курных изб, соответственно и дома стали чище. Исчезли бычьи пузыри и куски холста как заменители стекол в окнах. Внешний облик и интерьер домов постепенно приближались к городским. Это быстрее происходило в тех семьях, которые были связаны с «городскими» профессиями. Например, по воспоминаниям В.М.Лыткина, дом его дяди в Кируле, типично сельский по планировке, был уже во многом устроен «по-городскому». В горнице, где жила дочь хозяина (учительница по профессии) с мужем и детьми, стояли покупные диваны, венские стулья, шкаф и стол, приобретенные у местных столяров-краснодеревщиков. На стенах, оклеенных обоями, которых село в то время практически не знало, кроме икон, висели часы, «картинки из магазина» (олеографии). Полы в доме были крашенные – тоже весьма характерный признак «городского» интерьера. Комната обогревалась печкой-голландкой. Вторая же половина (зимняя изба), служившая жильем самим хозяевам и семейной кухней, мало чем отличалась от аналогичного помещения в сельском доме: русская печь для приготовления еды и обогрева, полаты для сна, лавки по стенам, большой самодельный стол, за который во время трапезы усаживались всей семьей.

Обстановка городского дома не привлекла внимания усть-сысольских бытописателей, вероятно, потому, что она была похожа на обстановку домов в других городах, обыденной для них и потому неинтересной. Придется нам самим рассказывать о ней, используя воспоминания старожил, отрывочные сведения, содержащиеся в заметках об Усть-Сысольске.

В городском доме (типа «шестистенок-крестовик»), в отличие от сельского, не было деления на теплую и холодную половины. Вы поднимаетесь по ступеням крыльца и попадаете либо в сени, либо прямо на кухню (в том случае, когда крыльцо делалось с тамбуром, заменяющим сени). В любом случае в городском доме кухня

выделялась в особое помещение. Здесь были владения хозяйки дома: полки с посудой, кухонный стол, хранились некоторые продукты. В начале XX века пищу готовили в основном на дровяной плите, а жилые комнаты отапливались печами-голландками, чего в селах не было. А раньше во всех домах была русская печь. Причем часто ее ставили посередине дома, так что она выходила во все четыре помещения, но устьем, естественно, – на кухню.

В таких домах были две или три (в зависимости от наличия сени) довольно большие – по 16–25 кв. м. – жилые комнаты. Для мещанских домов не было характерно функциональное разделение жилых помещений. Но в домах чиновников, интеллигенции, части купечества оно прослеживалось достаточно четко. Обычно жилые комнаты подразделялись на гостиную-столовую и спальню. В богатых многокомнатных домах столовая и гостиная разделялись, выделялись в отдельное помещение детская, кабинет (большая редкость в усть-сысольских домах – богатые горожане себя «работой на дому» не сильно утруждали, а чиновники и учителя не могли себе позволить иметь отдельную комнату для занятий), жилые комнаты прислуги. Для сельских жителей (за исключением зажиточных) были бы непривычными обычные для городских домов обшивка внутренних частей стен фанерой или досками, которые затем оклеивались обоями (в городе они известны, по крайней мере, с 40-х годов XIX века), крашенные полы, занавески и цветы на окнах, фотографии в рамках, олеографии на стенах.

По-видимому, в первой половине XIX века обстановка мещанского дома мало отличалась от сельского. Василий Кичин в одной из своих краеведческих заметок, посвященных Усть-Сысольску, перечисляя неперемные атрибуты сельского жилища, отмечал, что многие из них были характерны и для городских домов [4]. Но обстановка в домах представителей чиновничьего мира и купечества в то время весьма отличалась от жилищ простых обывателей. Ф.Ежов, бывший проездом в Усть-Сысольске, отмечал, что «убранство комнат уже в некоторых домах города», по сравнению с селом, «совершенно другое». «Вместо лубочных картин там встречаются прекрасные лондонские и парижские гравюры и великолепные зеркала, на окнах цветы и занавески, на столах вазы и богатые столовые часы, и в каждом доме, где есть только молодые зырянские дочери... – расстроенное фортепиано или шипящий орган» (автор ехидно называет их «тихогромами») [5].

Скорее всего, Ф.Ежов «ради красного словца» несколько преувеличил степень распространения этих предметов в «просвещенной среде» усть-сысольцев, и тем не менее были в некоторых усть-сысольских домах и гравюры, и настольные часы, и зеркала (вот про фортепиано нам ничего не известно). Остается только догадываться, как эти предметы индустриальной культуры в то время попадали в усть-сысольскую глушь. Несомненно одно – такое убранство было только в домах за-

житочных горожан, которые могли позволить себе выписывать вещи из других городов или покупать их на ярмарке. Мебель, например, заказывали в Вятке, что, естественно, обходилось недешево.

Но в конце XIX века и в жилищах простых горожан появляется много вещей, которые вряд ли в большом количестве можно было найти на селе. Это покупная мебель: стулья с гнутой спинкой, двухстворчатые шкафы, тумбочки, табуреты, этажерки и тому подобное, а также вышитые скатерти, кружевные салфетки и накидки на кровать и кресла, зеркала и металлические кровати, стеклянная и фаянсовая посуда и многое другое. Конец XIX – начало XX веков – это время, когда вещи фабричного производства и изделия специалистов-ремесленников занимают прочное место в мещанском доме.

Конечно, в обстановке городского и сельского дома оставались и общие черты. Если бы мы могли заглянуть в квартиру кого-либо из усть-сысольских мещан, то почти наверняка увидели бы и тканые половики на полу, и деревянную посуду на полках, и скамьи вдоль стен, то есть многое из того, что было характерно для жилища коми сельской семьи. Все это, как правило, вещи самодельные, произведенные кустарным способом в семье (да в лавках такими и не торговали).

Однако очевидно, что интерьер городского жилища постепенно приобретает свои, отличные от сельского, черты, что в городе складываются иные представления об утилитарной ценности вещей, иная мода (скажем, в рукоделии получает распространение вышивание крестиком, вязание крючком). «Городской» интерьер более характерен для жилищ немногочисленных дворян и чиновников и тянущихся за ними купцов, менее – для мещан. Городское жилище Усть-Сысольска постепенно теряет национальное своеобразие, стандартизируется. По внутреннему убранству комнаты уже невозможно определить, где вы находитесь – в Усть-Сысольске или каком-нибудь городе средней полосы России. И городская мода все больше проникает в село, изменяет интерьер сельского жилища.

А как одевались горожане? Долгое время, по крайней мере, до 70-х годов XIX века усть-сысольские мещане не изменяли традиционному народному костюму, сложившемуся в сельской среде, так что сторонний наблюдатель вряд ли отличил бы горожанина от сельского жителя. «Большая часть усть-сысольских зырян носят простую крестьянскую одежду», – писал Евгений Кичин в 1852 году. Чтобы убедиться в этом, мы можем сравнить данное Кичиным краткое описание одежды горожан с относящимся примерно к этому же времени описанием костюма сельских коми, принадлежащим Ф.Бергу. Итак, вот что нам поведал Евгений Кичин:

«На мужчинах коричневые коротенькие шерстяные зипуны, из-под коих всегда выставляется прямой ворот белой рубахи, обувь их составляют коты с шерстяными, очень длинными пестрыми чулками. Женщины, в

праздничную пору, носят китайчатые узкие шугаи, а на голове высокие кокошники, повязанные на спину большими ситцевыми или шелковыми платками. Молодые девки надевают тогда китайчатые зеленые или ситцевые сарафаны, повязав голову шелковыми цветными платками, и надвинув их на лоб; из-под платка выпускается на спину коса, развязанная на конце разными лентами. Зимой у всех зырянков являются шугаи с маленьким стоячим воротником, покрытые зеленою нанкою, или китайкою. И опущенные лилицей или белкою. Зеленый цвет в особенном вкусе у всех зырянков» [6].

А вот довольно подробное «обобщающее» (он не выделяет различий в costume разных этнографических групп коми) описание одежды сельских коми, составленное Ф.Бергом в 1854 году:

«Обыкновенная одежда зырян (мущин) состоит из белой рубашки, сделанной из грубого холста, с длинным воротником, застегивающимся медною пуговицей, и штанов из такого же холста. Рубашка подпоясывается узким шерстяным поясом. Обувь состоит из котов, сделанных из телячьей шкуры, шерстью вверх, и пропитанных смолою, чтоб не могли промокнуть. Летом точно такое же холстинное полукафтанье, подпоясанное кожаным поясом, а зимой суконный азам (армяк) и под ним овчинный полушубок. Шапки носят такие же, как и наши крестьяне средней России.

Женская одежда – коленкоровая или ситцевая рубашка с широкими рукавами, ситцевый сарафан, сверх которого телогрейка без рукавов, и на голове повойник (сборник), повязанный большим платком, который опускается ниже стана. Зимой, сверх сарафана, надевают овчинную шубу, крытую нанкой или китайкой. Обувь, так же как и у мущин – коты, а у некоторых и башмаки. Девичья одежда точно такая же, только нет повойника, а голова повязана платком, из-под которого выпускается коса...» [7].

Любопытный путешественник, побывав в домах усть-сысольских зырян, побродив по городским улицам, без труда дополнил бы существенными деталями описание Евгения Кичина. Он бы обязательно отметил, что «одежда... усть-сысольских мещан не отличается резкими чертами от... русской национальности» [8]. На мужчинах – длинные рубахи туникообразного покроя (дёрём), с разрезом посередине или на правой стороне груди (у некоторых – с небольшим стоячим воротничком). Их носили «навывпуск», поверх штанов (гач), подвязав тканым поясом или ремешком. Штанины заправлялись в сапоги или шерстяные носки, поэтому они были слегка сужеными на концах. Рубахи шились из холста или пестряди, позднее из ситца, праздничные – из более тонкого холста, и украшались вышивкой на

рукавах и по подолу. А верхние штаны шили из домашнего сукна, пестряди, дешевого трико, обычно черного или серого цвета.

Из верхней одежды, кроме армяка (дукос), в гардероб горожанина входили кафтаны с отрезной спинкой, со сборками (сукман), и зипуны – свободно запахивающаяся, прямого покроя одежда из грубого сукна. Зимой мужчины и женщины щеголяли в шубах из овчины, иногда крытых сукном.

Кроме котов (коти) у горожан обоего пола, как и у сельских жителей, «в ходу» была валяная и войлочная обувь, состоящая из валяных головок с пришитыми суконными голенищами. Низкую кожаную обувь носили с толстыми шерстяными чулками, богато украшенными орнаментом. Такие чулки завязывались под коленями подвязками или плетеными шнурками.

Самыми распространенными простонародными мужскими головными уборами были валяные шляпы и суконные шапки с высокой тульей и загнутыми вверх полями (ковпак), а зимой – меховые шапки-«долгоушки» из беличьего меха или папахи из овчины. Но чаще всего (за исключением, конечно, зимы) мужчины вообще обходились без головных уборов.

Женский костюм был, конечно же, красочнее мужского. Усть-сысольские красавицы одевались в сарафаны (сарапан), под которые надевали рубахи (дёрём) из холста, иногда шелка или атласа. Сарафаны были самые разные. Самым распространенным был шушун – его шили из трех полотнищ (два спереди и одно сзади) и вставленных в бока четырех клиньев (по два с каждой стороны), на лямках, без лифа. Повседневные сарафаны шили из холста, набойки, пестряди, а праздничные – из китайки, парчи, шелка. Такой сарафан блистал яркими красками – красной, желтой, зеленой, синей, богато украшался тесьмой, вышивкой. Куда уж парням устоять против такой красоты! Праздничные сарафаны стоили дорого, их бережно хранили в семейных сундуках, передавали из поколения в поколение. Сверху сарафана мещанки надевали передник без нагрудника (запон). Из верхней одежды, как и у мужчин, был широко распространен сукман, только несколько иного покроя.

Замужние женщины носили кокошник – чепец, сшитый из кумача, на холщовой подкладке. Спереди у чепца имелось твердое очелье, расшитое бисером. Девушкам такой убор не полагался – они носили ленту или повязку, покрывали голову платком, завязывая его концы под подбородком.

Но проходит время, меняется мода, вкусы горожан. Да и торговля постепенно разворачивается. В первой половине XIX века почти вся одежда шилась из самодельного материала – холста и сукна. Ткацкий стан был непременной принадлежностью любого мещанского и крестьянского дома. Теперь же мещане все больше шьют из покупных тканей. Домашнюю холстину тоже ткут, но не в таких количествах, как раньше. А вот шили одежду, как и в былые времена, в основном женщины-хозяйки. Недаром во многих усть-сысоль-

Семья мещан Заболовых. 1914 г.

ских семьях были швейные машинки «Зингер» (фирма имела в Усть-Сысольске свой магазин). Но шили в основном рабочую или домашнюю, «простую», одежду, а праздничные наряды покупали в магазине или заказывали портным.

Об одежде горожан конца XIX – начала XX веков мы осведомлены уже достаточно хорошо. Благодарить за это надо первого усть-сысольского профессионального фотографа Платона Филитеровича Кулакова, оставившего большую галерею фотопортретов горожан: здесь и мещанские семьи, и солидные купцы со своими семействами, и чиновники в форменных мундирах, и гимназисты со своими учителями – все немного напряженно смотрят в объектив, ждут «птичку».

Городской мещанский костюм теряет свою национальную специфику и приобретает, если так можно выразиться, общегородские российские черты. Длинную мужскую рубашу с застежкой справа сменяет косоворотка. В качестве верхней одежды, особенно праздничной, все чаще встречается пиджак или суконная двубортная куртка с отложным воротником. Входит в моду жилетка. Ее носили как с пиджаком, так и без него, надевая поверх выпущенной рубашки. На зиму многие мещане, особенно те, кто позажиточнее, шили пальто на вате с барашковым воротником. На смену валяным шляпам и суконным ковпакам приходят картузы с высокой тульей и фуражки. Зимой носили круглые меховые шапки-«пирожки». Основным видом мужской обуви становятся сапоги, зимой – валенки с галошами.

В женском гардеробе прочное место заняли длинные прямые юбки и кофты из ситца двух фасонов – свободного туникообразного покроя с широкими рукавами и небольшими манжетами и высоким стоячим воротником, носившиеся «навыпуск» (их в основном носили пожилые женщины), и короткие, отрезные по талии, со сборками, пышными рукавами и высоким манжетами (это молодежный фасон). Сарафан по-прежнему был в моде, но теперь чаще всего его шили прямым, с лифом и оборками по подолу. Зимой женщины носили плюшевые жакеты, ватные пальто. Даже из пожилых женщин мало кто носил кокошник. Обычно голову покрывали платком фабричного производства, свободно завязывая его под подбородком. Новым видом обуви стали кожаные ботинки. Женщины, как и мужчины, носили валенки – ничего лучшего для северной зимы придумано не было.

Перечисленные новации в одежде основной массы мещан не вытесняют полностью более старые традиционные образцы. Многие из них, например, армяки, зипуны у мужчин, косоклинные сарафаны у женщин и другие, сохраняются в качестве повседневной домашней и рабочей одежды. Зимой по-прежнему, наряду с пальто, носили овчинные полушубки и шубы.

Отличался ли в конце XIX – начале XX веков костюм городских обывателей от сельского? Да, отличался, но нельзя сказать, чтобы уж очень сильно. В селе гораздо дольше сохранялись старые, традиционные для коми виды одежды. И в

Семья мещан Шешуковых. Начало XX века

то же время некоторые виды одежды, распространенные в городе, широко бытовали и на селе. Это мужские рубашки-косоворотки, пиджаки, жилетки, картузы и фуражки, сапоги, женские кофты и юбки, прямые сарафаны с лифом, платки фабричного производства, жакеты и некоторые другие. Причем мода на эти вещи шла из города (разумеется, не только из Усть-Сысольска). Например, молодые люди, уходящие на заработки, обязательно стремились привезти «городской» пиджак и фуражку – эти вещи считались особенно модными.

Мы почти ничего не знаем, как одевалось городское купечество «дофотографического периода»: оно не привлекало внимания бытописателей. Может быть, это связано с тем, что купцов в городе было немного, но, скорее всего, основная причина в том, что по образу жизни они не выделялись в самостоятельную прослойку. Судя по фотографиям, одежда купцов мало отличалась от праздничного костюма зажиточных мещан.

Но вот костюм чиновничьего слоя горожан заметно выделялся. Для чиновников различных ведомств, преподавателей, врачей и других представителей интеллигенции, состоящих на государственной службе, своеобразным «знаком» их принадлежности к определенному социальному слою был мундир, форменный сюртук. Представители интеллигенции относились к форме не очень благоговейно – многие учителя, например, носили мундир скорее по необходимости, чем по убеждению в том, что он придает им какой-то особый общественный вес.

Форму обязательно надевали на службу, в ней наносили визиты – это тоже было обязательным. Кроме того, многие чиновники и гуляли «при параде», а то и донашивали старые мундиры дома.

А.И.Ишимова вспоминала, что сын городничего, с которым она занималась французским языком, «одевался в черный нанковый сюртук с красным воротником – точь-в-точь такой же, какой был у его отца». «Сначала я не могла смотреть без смеха на этого маленького городничего, – пишет А.И.Ишимова, – но потом я привыкла к костюму его» [9].

Форменный костюм (сюртук и брюки навыпуск, различного цвета и покроя, в зависимости от ведомства, к которому относился служащий, зимой – форменное пальто или шинель) дополнялся соответствующим головным убором (в начале XIX века в некоторых случаях это была треуголка, впоследствии – форменная фуражка с кокардой), рубашкой и галстуком, штиблетами, перчатками. В конце XIX – начале XX веков в моде у чиновников были металлические тросточки.

В чиновничьей среде были распространены и такие виды одежды, как парадный сюртук-визитка из черного сукна, с конца XIX века – костюм-тройка (брюки, пиджак и жилет из одного материала). Женщины носили платья, юбки с белой блузкой, шляпки. Фасон их менялся в зависимости от моды, хотя, конечно, устьсысольцы в следовании ей отставали от жителей крупных городов.

Однако напомним, что чиновничий мир Усть-Сысольска был неоднородным. Верхушка его, состоящая из дворян, имела, если так можно выразиться, свою «сословную одежду». В их гардеробе была одежда на все случаи жизни: платье для службы, парадный костюм, костюм для выездов и приемов, домашняя одежда и так далее. Они следили за модой, шили одежду из дорогих материалов у лучших портных. В маленьком Усть-Сысольске в портняжном деле тоже существовала своя «табель о рангах». Лучшим и, следова-

тельно, самым дорогим портным считался И. Митюшев, обслуживавший зажиточных горожан. А наиболее обеспеченные устьсысольцы заказывали себе платье «в столицах».

Но значительную часть чиновничества составляли мелкие служащие, выходцы из мещанского сословия. В быту их семей сохранилось много общих черт с мещанством. Мужчины, к примеру, дома носили косоворотки, холщовые штаны, женщины – сарафаны, чего, конечно же, никогда не позволили бы себе чиновники из дворян и члены их семейств.

С другой стороны, наиболее зажиточные мещане, особенно из тех, кто был занят, так сказать, в сфере обслуживания (те же портные, фотограф и представители тому подобных профессий), и купцы перенимали некоторые виды одежды, характерные для чиновничьей среды, например, костюм-тройку (но носили его часто с рубахой-косовороткой), штiblеты и тому подобное.

Отличалась демократизмом одежда части интеллигенции, особенно тех ее представителей, которые вышли из народа. Они охотно носили сапоги, вышитые рубахи, картузы. Учительница Ф.И.Забоева в своих воспоминаниях пишет, например, что И.А.Куратов во время их первой встречи «был по-летнему одет: в вышитой белой рубахе с цветным поясом, какие тогда носили деревенские парни по праздничным дням» [10]. Отчасти мода на простонародный костюм в среде интеллигенции в 60-90-е годы XIX века связана с народной идеологией.

Однако мы уже и так достаточно отвлеклись, рассказывая об одежде устьсысольцев. Гостеприимные хозяева приглашают нас к столу. «Если заглянуть в избу к зырянину – он не откажет в гостеприимстве. Начинается угощение», – писал В.Кичин.

Пища горожан была «самая простая». Понятно, что меню мещанской семьи зависело от не такого уж разнообразного выбора продуктов. Система питания горожан «выросла» из сельского полунатурального хозяйства и основывалась на тех продуктах, которыми устьсысольцы, хотя бы частично, обеспечивали себя сами. Испокон веков основу питания мещан и крестьян составляли хлебопродукты: ржаная и ячневая мука, крупы, широко используемые для выпечки хлеба, приготовления первых и вторых блюд. Пшеничную муку, особенно в первой половине XIX века, горожане почти не употребляли. Позднее ее начали завозить в город в больших количествах, но она пользовалась спросом только у зажиточных слоев устьсысольцев.

Приблизительно с 40-х годов XIX века прочное место в питании всех слоев городского населения занимает картофель. По потреблению на душу населения он прочно занимал второе место. Усть-сысольские хозяйки варили и жарили картошку, использовали ее для приготовления супа. Обычными продуктами на столе усть-сысольской хозяйки были и другие овощи – брюква, репа, редька, капуста, морковь, лук. По сравнению с сельскими жителями горожане употребля-

ли в пищу больше овощей. Дары своих огородов успешно хранили всю зиму.

Практически каждая семья солила капусту. Осенью над огородами поднимались дымки костров. Над ними устанавливались большие котлы, в которых горожане перед засолкой отваривали (примерно 10 минут) в соленой воде капустные кочаны. Для такой работы семья обычно кооперировалась с соседями или родственниками (они поочередно поддерживали огонь). Мелкие кочаны перед варкой разрубали пополам, крупные – на четыре части. Половинки и четвертинки складывали в бочки, пересыпали солью, прокладывали ветками смородины, добавляли анис и квасили под гнетом 2–3 дня, снимая пену. Квашеную капусту хранили в холодном месте, в подполе.

В семьях чиновников, интеллигенции, духовенства использовали еще и чеснок, свеклу, в небольших количествах – огурцы и тыкву, а также зелень (укроп и петрушку). Мещане-земледельцы и пригородные крестьяне этих овощей почти не знали. К.Ф.Жаков в автобиографической книге рассказал о таком эпизоде, связанном с поступлением в уездное училище. Когда он с товарищем возвращался после экзамена домой, в Выльгорт, смотритель училища (а им был Василий Кичин) дал им на дорогу «по ломтю ржаного хлеба с солью и по огурцу... Я отломил кусок огурца и понюхал, затем попробовав на язык, бросил о забор огурец, сказав: Всякую-то дрянью едят господа» [11].

На столе привилегированных слоев горожан часто были малина, смородина из своего сада, покупные яблоки, груши, сливы. В Усть-Сысольск привозили даже арбузы. Для большинства мещан покупные фрукты были недоступны. Зато у них не переводились дары леса: брусника, клюква, грибы. Их заготавливали на всю зиму: клюкву просто замораживали, бруснику заливали водой и хранили в бочках, а грибы солили и сушили (но не мариновали).

Мясо (говядину, телятину, баранину) мещане ели редко, в основном по праздникам и в забой. В 1836 году, например, на одного горожанина в среднем приходилось всего по 1,1 пуда мяса (немногом более 17 кг) [12]. Правда, сюда не входила охотничья добыча. Купцы, высокооплачиваемые служащие употребляли мясные блюда чаще, и они были разнообразнее. Малое потребление мясопродуктов связано не столько с их нехваткой или отсутствием у мещан денег, сколько с церковными запретами. Ведь более ста дней в году, в посты, горожане обходились скромной пищей.

Мясом, а также широко употреблявшимся в пищу молоком (его пили в «естественном виде» и кислым, добавляли в первые блюда и кашу, использовали для приготовления масла, сметаны, сыра) горожане обеспечивали себя сами. Часть мяса мещане, державшие скот, продавали на рынке (но вовсе не от изобилия, а по нужде). Покупателями его были чиновничьи семьи. Лишь очень небольшое количество солонины (2–10% годового потребления мясопродуктов) завозилось из соседних сел.

Рыбный стол горожан был гораздо обильнее, чем мясной. Свежая рыба использовалась для приготовления первых и вторых блюд, как начинка для пирогов. Часть улова (в основном мелкую рыбу) горожане солили и сушили впрок. В пищу шла речная рыба – щука, лещ, окунь, ерш, плотва, елец, язь и другая, которую горожане сами же и ловили в Вычегде, Сысоле и окрестных озерах. В начале XIX века через Екатерининский канал в Вычегду попала стерлядь. Сначала местные рыбаки ее выбрасывали, считая морской змеей, но со временем признали и ловили для собственных нужд. В 1841 году один предприимчивый горожанин даже организовал в районе Усть-Сысольска промышленный лов стерляди и, видимо, в накладе не остался. Обеспеченные слои горожан покупали привозную рыбу: печорскую семгу, соленые сельдь и палтус из Архангельска. Те, кто победнее, довольствовались беломорской треской.

Учитель Михайлов в середине XIX века отмечал, что «приторное безвкусие блюд есть отличительное свойство народной кухни» [13]. Действительно, усть-сысольские мещане по традиции пищу почти не солили, а уж специи (перец, лавровый лист) и вовсе не использовали, хотя в конце XIX века их можно было купить, и недорого, в лавке с «колониальными товарами».

Усть-сысольские хозяйки непременно встречали гостей горячим самоваром. В образованном обществе чай был известен давно. А вот мещане и купцы познакомились с этим напитком довольно поздно – в 30–40-е годы XIX века (однако сельские жители узнали его еще позже – в 50-е годы М. Михайлов писал, что они «почти не имеют понятия о чае»). Конечно, бывало, что чай попадал в город и раньше, но знакомство с ним не всегда доставляло удовольствие любителям новых блюд. «Нам известен курьезный случай, – писал Клавдий Попов в книге, вышедшей в 1874 году, – что лет 50–60 назад в Усть-Сысольске в доме купца, вывезшего из Сибири, как редкость, несколько фунтов чаю не умели приготовить этот напиток. Хозяйка дома целый фунт* его сварила в горшке и подала гостям за обедом вместо горячего» [14]. Можно только посочувствовать гостям, из уважения к хозяину мужественно хлебавшим с «довольными лицами» сие «заморское блюдо».

Основой основ питания был хлеб: ржаной подовый (тупось) и ячменный ярушник (ясьник). Хозяйки пекли его в русской печи – ржаной обычно раз в неделю, а ячменный – каждый день. Если о приходе гостя было известно заранее, то хозяйка обязательно пекла пироги, колобки, шаньги или сочни. Популярны были пироги со свежей или соленой рыбой. Большинство женщин в коми селах и сегодня расскажут вам нехитрый способ их приготовления: в толстый блин из крутого пресного теста заворачивается целая тушка потрошенной рыбы, и все это выпекается в печи. Из кислого теста пекли небольшие пироги с начинкой из редьки, лука, ягод, грибов, капусты,

ты, картошки, потрохов. Такие пироги называли «курник», добавляя к этому слову название того продукта, который шел на начинку (например, «тшака курник» – пирог с грибами). Шаньги обычно стряпали на тонкой основе из пресного теста, используя для заливки разваренную ячневую крупу, творог, толченый картофель. Перед выпечкой их смазывали сметаной, а готовые – топленным маслом.

Холодные блюда и закуски мещане особо не жаловали. Пожалуй, чаще всего к столу подавалась соленая капуста (сола кочан) с холодной вареной картошкой, заправленная растительным маслом. Кроме того, мещане уважали кисло-соленую мелкую рыбу, соленые грибы со сметаной. Бруснику, разведенную с небольшим количеством ржаной муки. По праздникам хозяйки варили говжий студень. А в постные дни или в жаркую погоду устьсысольцы довольствовались тертой или мелко нарезанной редькой с квасом (ырёша кушман), иногда добавляя туда и вареный картофель.

Каждый день хозяйки варили суп – без него семейная трапеза не обходилась. Наиболее распространенным был кислый суп, или кислые щи (азя шьд). Было несколько способов его варки. Вот один из них: в так называемую кислую воду (ее делали так: замачивали в воде конопляную мякину с березовыми угольками, давали ей прокиснуть, а затем сцеживали) клали ячневую крупу и варили в русской печи до тех пор, пока крупа не разварится до кашеобразной массы. Иногда суп варили с добавлением квашеной капусты. Перед подачей на стол его забеливали молоком или сметаной. Точно такой же суп, но сваренный на молочной сыворотке, назывался «йёвва шьд». А вот кислые щи (кочана шьд) из квашеной капусты, крупы, картошки, сваренных на воде, были не очень популярны.

Первые блюда в исполнении усть-сысольских хозяек не отличались изысканностью, но были весьма разнообразны. Часто варили суп из сушеных грибов, добавляя в него ячневую крупу, картошку и немного ржаной муки. Мясной суп – бульон с мясом, заправленный мукой, крупой, луком. С ячневой крупой варили и гороховый суп, суп из мятого конопляного семени, картофельный суп. Большинство супов забеливали сметаной или молоком. Наряду с супами-похлебками была распространена уха. Обычно ее варили из сушеной, реже – из мелкой свежей рыбы (а в конце XIX века – из тресковых голов) с добавлением картошки и лука.

Супы были не единственным видом горячей пищи у городских коми. Обычными повседневными блюдами были картофель (вареный в мундире или жареный, иногда – картофельное пюре), различные каши (наиболее распространенная ячневая каша «ид шьдёса рок» – из ячневой крупы на воде). Каши варили на молоке или на воде в русской печи, добавляя в них сало, масло. В праздничные дни варили «ляз» – сладкую кашу на солоде из сушеных ягод черемухи. Готовили ее так: ягоды толкли, заливали водой и несколько

* 1 фунт = 409,512 грамм.

ко часов запаривали в печи, затем добавляли солод, опять ставили в печь и держали там, пока каша не загустеет. К праздничным блюдам относились также пельмени и яичница, а также свежая жареная рыба, залитая смесью молока и яиц.

В постные дни часто ели «пуём галанка» – вареную брюкву с ржаной мукой: брюкву, порезанную на мелкие кусочки, несколько часов варили в печи на слабом огне, затем горшок с варевом вынимали и добавляли в него, размешивая, немного ржаной муки.

Пищу обычно запивали молоком, цельным или кислым. Чай пили редко. Вместо чая часто заваривали листья брусники, смородины. Общераспространенными напитками были хлебный квас (ырöш), сусло (чужва), брага (сюромка). Варили хозяйки и кисели из гороха, репы, ягод. В качестве праздничного напитка изготавливали пиво (сур). Но не отказывались и от покупного «хлебного вина», без которого не обходился ни один праздничный стол. Из специальной обрядовой пищи нам удалось записать только сведения о поминичной каше (куття), которую варили из пшеничных зерен или риса с сахаром.

Немногие из наблюдателей городского быта XIX века, писавшие о пище мещан, подчеркивали ее схожесть с пищей сельских коми. Действительно, питание горожан, по сравнению с жилищем и одеждой, претерпевает наименьшие изменения и в наибольшей степени схоже с сельским. Оно меньше было подвержено моде. Несомненно, сказывались и общие принципы хозяйствования.

В пище других слоев населения мы находим много общих черт с мещанской: печеный и ржаной хлеб, пироги, вареный и жареный картофель, некоторые виды супов, пельмени и другие блюда встречались на столах как мещанской, так и чиновничьей, купеческой семьи. Эти блюда характерны как для коми, так и для русской народной кухни. Вообще русские традиционные кушанья составляли основу питания в семьях чиновников и духовенства. Щи из свежей и кислой капусты, борщ, различные блюда из картофеля, каши – повседневные блюда даже в семьях «городской верхушки». Но наряду с ними в меню привилегированных слоев городского общества были и такие блюда, как тушеная говядина, рыба по-польски и тому подобные, не относящиеся к простонародной кухне. Разнообразнее были и способы приготовления еды – мещане, например, не использовали фарширование, тушение.

В семьях зажиточных слоев гораздо разнообразнее был набор закусок и десертных блюд. В качестве закусок употреблялись холодная соленая и копченая рыба (лососина, семга, палтус), соленые и маринованные грибы, копченые окорока, холодное мясо – вареное и копченое (продукты эти, за исключением грибов, были популярными). На десерт подавались кисели из фруктов и ягод, компоты, взбитые сливки, пудинги и тому подобное. Одним словом, питание привилегированных слоев городского общества было гораз-

до разнообразнее, в него входили блюда как русской, так и западноевропейской кухни. При приготовлении блюд использовалось больше покупных продуктов.

9.2. Будни «городских обывателей»: «делу – время, потехе – час»

В усть-сысольских мещанских семьях день начинался рано. Уже в 4–5 часов утра над трубами городских домов появлялся первый дымок – это хозяйки растапливали печи, начинали готовить еду. Пища готовилась сразу на целый день и все время находилась в печи. До завтрака хозяйкам надо было еще прибраться в доме, подоить корову, задать корм скоту. Часов в 6–7 вся семья собиралась за общим столом на завтрак. Ели не торопясь, много, плотно – впереди был длинный трудовой день. Разговаривать за столом было не принято. Сначала хозяйка подавала суп в большой миске, из которой хлебали по очереди, начиная со старшего мужчины. Если суп был мясным (что в будние дни случалось довольно редко), то сначала ели бульон, а затем, отдельно, мелко нарезанное мясо. За супом следовала вареная картошка или каша. Еду запивали молоком или квасом. В постные дни горожане ограничивались растительной пищей: вареными овощами, кашей на воде, квасом, рыбой, так как употребление мясных продуктов, молока было запрещено. В некоторых семьях рано утром ели только хлеб и молоко, а полный завтрак (обед) подавался в 9–10 часов.

Пока семья завтракает, самое время немного рассказать о внутрисемейных отношениях. Первым на почетное место во главе стола всегда садился старший мужчина, отец. Он был главой семьи. В конце XIX – начале XX веков патриархальные традиции уже дали заметную трещину. Авторитет главы семьи в основном держался не на его старшинстве, «патриаршестве», а на вкладе в семейную экономику. В городе эти отношения были более заметны, чем в селе. Главенство в семье передавалось по мужской линии – от отца к сыну (и взрослые сыновья всегда садились рядом с отцом). Даже если после смерти отца старшей по возрасту в семье оставалась мать, она все равно не становилась главой семьи. Но надо подчеркнуть и такую деталь: пожилой, утративший первенство в работе отец, формально оставаясь главой семьи, фактически терял реальную власть, которая переходила к старшему сыну.

Глава семьи имел решающее слово во всех семейных делах. Однако власть его не была абсолютной. Он был вынужден считаться с мнением других трудоспособных членов семьи, прежде всего взрослых сыновей. Он, например, не мог единолично произвести раздел при выделении старшего сына в отдельное хозяйство или решить вопрос о размерах приданого для дочери.

Формально женщина занимала подчиненное положение в семье. Она должна была демонст-

рировать покорность мужу, не выходила без приглашения к гостям, не садилась с мужчинами за один стол (как правило, женщины ели немного позже, когда мужчины вставали из-за стола) и так далее. Надо сказать, что первенствующая роль мужчины в семье поддерживалась государством и церковью. Мужчина представлял семью в мещанском обществе, имел право участвовать и различных выборах и занимать общественные должности, именно с него государство требовало налоги и повинности.

Но в реальности авторитет женщины-хозяйки был достаточно высок, и это тоже было показателем того, что патриархальные внутрисемейные отношения в мещанской среде «дали трещину». Он основывался опять же на ее вкладе в семейную экономику. По существу, на старшей женщине лежало все домашнее хозяйство, а в случае долговременной отлучки мужа на промыслах или в отходе она фактически руководила семьей. Женщине отводилась и основная роль в воспитании детей. Ее мнение учитывалось и при коллективном обсуждении семейных проблем. В мещанских семьях существовала и своеобразная женская иерархия. Авторитет старшей женщины по отношению к женам сыновей был непререкаемым. Она распределяла работу по дому, руководила «женским коллективом» и представляла его на семейном совете.

После завтрака все принимались за работу. В семьях мещан-земледельцев издавна сложилось внутрисемейное разделение труда, как раз и определявшее место каждого члена семьи во внутрисемейной иерархии. Семья была маленьким производственным коллективом, где у каждого были свои обязанности, соответствующие его физическим возможностям, навыкам. На плечах мужчин лежали наиболее тяжелые работы – строительство и ремонт дома и других построек, изготовление орудий труда, заготовка дров, охота и рыбалка. Мужчины в поисках заработка уходили в отход, нанимались на лесосплав, занимались ремеслами. Женщины делали большую часть работы в огороде, ухаживали за коровами, овцами (за лошаадьми по традиции ухаживали мужчины). Они часто работали вместе с мужчинами – в поле и на сенокосе, на рыбной ловле и на лесоразработках. Хозяйственные заботы для женщин стояли на первом месте, и только на втором – воспитание детей.

Юное поколение горожан из «простых семей» с малых лет приобщалось к труду. Мальчики и девочки с 6–7 лет уже имели определенные обязанности по дому: ухаживали за младшими братишками и сестренками, пасли скот, собирали грибы и ягоды. Дети постарше помогали родителям в поле, на огороде, на сенокосе и к 14–15 годам на практике овладевали всеми необходимыми видами работ. В семье на них и смотрели как на полноценных работников.

В середине рабочего дня, часов в 12–14, усть-сысольцы делали перерыв на обед (пакын), как и завтрак, состоял из 3–4 блюд, обязательно горячих. Летом, во время страды, часто

обедали прямо в поле или на лугу. Ели принесенную из дома готовую еду или сваренные на костре суп и картошку. Вместо чая пили отвар из листьев малины, брусники или смородины, прекрасный утоляющий жажду.

Рабочий день продолжался примерно до 19 часов, когда горожане, закончив большинство основных дел, ужинали. На ужин, как правило, подавалось то, что осталось после обеда и завтрака. После ужина доделывали мелкие дела по хозяйству, женщины занимались рукоделием. На отдых времени почти не оставалось. Спать ложились рано – к 22 часам в окна большинства городских домов гасли огни.

Основные усилия усть-сысольской мещанской семьи были направлены на обеспечение «хлеба насущного». Главным делом для нее были земледельческие заботы. Подготовка к полевым работам начиналась еще зимой. Надо было починить орудия труда, подготовить их к работе. Ранней весной по снегу начинали возить на поля накопленный за зиму навоз (часть его вывозили еще осенью). Это была очень тяжелая, но необходимая работа – надо было сделать десятки ездов на дальние поля. Мужская часть семьи посвящала этому делу не одну неделю.

В конце апреля – начале мая, смотря по погоде, вся семья выходила на пахоту и сев яровых. Пахали землю плугом или сохой (чаще сохой, плуги были в очень немногих зажиточных семьях, сдававших их в аренду). Эта работа была тяжелой и выполнялась взрослыми членами семьи. Сеяли вручную, из туесов. Затем боронили поле деревянной бороной. В середине-конце мая, если не было каких-либо сюрпризов погоды, с севом яровых заканчивали. В это же время, в апрелемае, много времени у горожан отнимал огород: надо было готовить землю, сажать картошку и другие овощи.

Отсевшись, горожане могли вздохнуть свободней. Июнь для них был относительно спокойным месяцем. Но уже в начале июля, как правило, начиналась горячая сенокосная пора (бывало, что из-за дождей начало сенокоса откладывалось до конца июля и даже начала августа). Покосы у большинства горожан находились далеко от дома, за рекой. Поэтому в сенокосную пору многие горожане неделями жили «при сенокосах», возвращаясь домой только в воскресенье – помыться в бане, отдохнуть.

На сенокосе дело находилось всем. Взрослые члены семьи косили траву косами-горбушами. Женщины и дети сгребали подошедшее сено в копны, а мужчины ставили стога. В сенокос некоторые бедные горожане подрабатывали, нанимаясь в косцы и гребцы к зажиточным горожанам. По-видимому, такой наем был делом обычным. В 1901 году, например, «средняя цена косцу» была 80–90 копеек, а в разгар сенокоса доходила до 1 руб. 45 коп. в день «на хозяйских харчах». Женщинам платили значительно меньше – по 30–40 коп. в день [15].

Не успевали горожане покончить с сенокосом, как подходило время жатвы (август – первая по-

ловина сентября). Конец лета и начало осени в жизни усть-сысольских мещан были, пожалуй, самым напряженным временем. От зари до темна, почти без перерывов, трудились горожане. Надо было как можно быстрее убрать хлеб – урожай могли погубить дожди, ранние заморозки, и тогда – голодная зима и весна. Закончив уборку, брались за сев озимых. А там наступало время убирать картошку, капусту, другие овощи. И только в конце сентября заканчивалась горячая земледельческая страда.

Разумеется, не только земледельческие заботы одолевали горожан летом и осенью. Напомним, что средняя по достатку мещанская семья держала лошадь, две-три коровы, несколько овец и другую живность. Они также требовали забот. Женщины и дети занимались заготовкой ягод и грибов. Одним словом, забот горожанам хватало.

Казалось бы, зима для мещан должна была быть временем отдыха. Действительно, в это время года работы у обывателей было меньше: спят под снегом поля, убран и обработан урожай, запасены клюква, брусника, грибы, засолена капуста. Однако и зимой о праздном отдыхе речи быть не могло. Оставались многочисленные заботы о домашнем хозяйстве. Постоянного ухода требовал скот, в частности, нужно было регулярно ездить за сеном, оставшимся на пожнях в стогах. В долгие зимние вечера женщины пряли, вязали впрок носки и варежки, мужчины столарили. Зима – время, когда часть горожан и жителей пригородных деревень (в частности, Вильгорта) уходили в отход. Те, кто обладал навыками в каком-нибудь ремесле, шли по деревням, добираясь до верховьев Сысолы и Вычегды, предлагая свои услуги местным жителям. Часть нанималась на лесоразработки, заготовку дров.

Осень и зима – время, когда мужчины занимались охотой. Охотничий сезон делился на два периода: с сентября по конец ноября – начало декабря, когда добывали боровую дичь и белку, и с конца января по конец марта, когда охотились преимущественно на пушных зверей. Как уже упоминалось, для горожан охота довольно рано перестала носить профессиональный характер и стала любительской. Усть-сысольцы в первый период больше охотились на рябчиков, тетеревов, зимой ходили на зайцев. Обычно охотились с ружьем, реже ставили волосяные петли (лэч). О применении каких-либо других волосяных орудий нам неизвестно.

На охоту обычно уходили на день, реже – на несколько дней. Вероятно, в конце XIX – начале XX веков уже почти ни у кого из горожан не было наследственных, оборудованных избушками охотничьих угодий. Если охотник уходил в лес на несколько дней, то ночевал у костра или заходил на ночлег в близлежащую деревню. Охотились чаще всего в одиночку или с напарником. Нам неизвестно, были ли в городе охотничьи артели для дальнего промысла, в то время как такие временные объединения охотников широко практиковались во многих местах Коми края, особенно

в удорских, печорских и верхневьегодских селениях, где охота дольше, чем в других местах сохраняла значение основного неземледельческого промысла.

А вот рыбной ловлей мужчины занимались практически круглый год. Рыбу ловили на Сыsole и Вычегде, а также на старичных озерах, соединяющих их с реками протоках, небольших речках и ручьях. Горожане использовали самые разные «сетные» орудия лова (ставные, тягловые и плавные) и рыболовушки («морды», вентери и другие), устанавливаемые при «запорах» (заграждениях из кольев, перегораживающих небольшие реки и протоки). Наверное, применялись и такие способы ловли, как лучение и глушение, ловля на перемет и дорожку, хорошо известные у вычегодских и сысольских коми, но сведений об их применении в городе не сохранилось. Обычно на рыбалку на дальние озера уходили на два-три дня, жили в шалашах. Владельцы «рыбных мест» обычно ставили на своих угодьях небольшие избушки и сараи для хранения сетей.

Работа составляла основное содержание жизни усть-сысольских обывателей. В обычные дни ею было заполнено практически все время за исключением часов, отводимых на сон и еду. Только труд, тяжелый, изматывающий, ежедневный, мог обеспечить городским обывателям прожиточный минимум, позволял сводить концы с концами. Такой труд изматывал тело и иссушал душу.

Свободное время в нашем понимании (то есть вне рабочее время, оставшееся у человека за вычетом часов, затраченных на необходимые работы по дому) у горожан было незначительным. Надо заметить, что многие усть-сысольцы считали отдыхом такие занятия, как прядение, вязание, охота, рыбалка. По сравнению с земледельческими работами, требовавшими больших физических затрат, их действительно можно считать отдыхом, но время, затраченное на них, в свободное включать нельзя, так как заниматься, к примеру, вязанием горожанки были вынуждены: теплые варежки и носки в магазинах не продавались, а обойтись без них при холодах, длившихся 4–5 месяцев в году, было невозможно.

Один день в неделю, воскресенье, в усть-сысольских семьях считался выходным. Но для мещан, которые нигде не «служили» и не были скованы рамками «урочных часов», этот выходной был относительным. Летом, например, когда дел было невпроворот, большинство семей его не соблюдало. В воскресные дни горожане вставали не позже обычного, с рассветом (тут дело не в том, что они не любили поспать, а в ценности светового дня – ведь электрического освещения не было). После завтрака надевали парадную одежду и шли в церковь на воскресную службу. Этим, собственно, выходной и исчерпывался. И хотя церковь предписывала не работать в воскресные дни, после службы горожане возвращались к своим обычным хозяйственным занятиям.

Одним из любимых, да и к тому же весьма полезных, видов отдыха горожан была баня. Баню обычно топили один раз в неделю, в субботу, а

летом – чаще, два-три раза. Однако находились любители, которые устраивали себе банные дни по четыре и даже по пять раз в неделю. В бане не столько мылись, сколько парились. «Баннный ритуал» был такой: сначала 5–10 минут хлестались березовыми или пихтовыми вениками, затем обливались холодной водой, а зимой прямо на улице обтирались снегом. И так в несколько заходов. Затем мылись горячей водой, обычно используя вместо мыла щелочь, а вместо мочалки – банный веник.

Не так уж много мы знаем о развлечениях горожан. Вероятно, и сами развлечения были не очень разнообразны. Городская молодежь любила собираться на посиделки или вечеринки (войпук). В XIX веке посиделки были широко распространены как в коми, так и в русских северных селах и были очень похожи. Они долго сохранялись и в других городах Вологодской губернии, в основном в тех, где значительная часть жителей была занята сельскохозяйственным трудом. О городских вечеринках мы знаем довольно много, благодаря их описанию усть-сысольским краеведом С.Е.Мельниковым, относящемуся к 1852 году:

«В городе Устьсысольске, как и в других городах Вологодской губернии и в самой Вологде, с 1 октября, т.е. с Покрова Пресвятой Богородицы, исключая поста Рождественского, до самой масленицы , делают вечеринки и игрища. Одна из девиц, положив своего квартала или улицы, приглашает подруг своих к себе в дом поиграть и повеселиться. Подружки, принарядясь по возможности, собираются в этот дом с пяти и шести часов вечера, первоначально пьют чай, потом лакомятся разными закусками, а к семи часам приходят уже извещенные знакомые и незнакомые добрые молодцы-парни, без всякого приглашения. С ними девицы начинают играть и плясать по песням. По окончании каждой песни молодой парень получает от вызванной им девицы, ходившей с ним об руку в кругу или просто по комнате, нежный поцелуй, и таким образом игры и пляски продолжаются иногда целую ночь, до самого утра. Старшие в доме ни в чем никакого препятствия не делают, и не мешают, а издали любят приятными и позволительными небольшими вольностями» [16].*

Разновидностью посиделок можно считать «братчину», отличавшуюся от обычных посиделок тем, что она организовывалась несколькими девицами, нанимавшими дом и устраивавшими складчину продуктами для приготовления угощения (отсюда и название). Усть-Сысольская «братчина» весьма подробно описана Е.В.Кичиным, отмечавшим, что «многие из обыкновений Усть-

сысольских горожан во многом схожи с обычными простолюдинов разных частей Вологодской и Новгородской губерний», включая и «братчину»:

«Каждогодно в городе Устьсысольске, в разных частях его, у простых граждан Зырян, отправляется братчина, которая начинается с первого Ноября и продолжается трои сутки. Она братчиною называется потому, что составляют ее несколько девиц, согласившихся между собою из общих припасов сварить пиво и по три дня готовить обеденные столы. Для того все девицы, желающие участвовать в братчине, приносят к хозяину дома, который будет избран для исполнения этого обычая, мясо, муку, семя конопляное, картофель, масло и яйца. Из муки готовится пиво, а излишек ее продается и на вырученные от того деньги покупается хмель, семя конопляное идет в кутью или во щи, если во время отправления братчины случаются постные дни; картофель подается просто вареным, яйца идут на приправу других яств для стола, а также из яиц готовится яичница.

Церемония обряда открывается тем, что все девицы, составляющие братчину, обращаются к старосте, т.е. к хозяину дома или к тому из посторонних, кто устраивает братчину, с самыми громкими словами: «Староста гузыня, давайте же пива. Пересохло наше горло, не пиваячи так долго». Староста приносит тот час ендову пива, из которой главные на этом празднестве четыре девицы наливают четыре стакана; с этим налитым пивом выходят они на середину избы и, составляя собою квадратобразный хоровод, начинают плясать, переходя одна к другой поперек круга. В это время поется зырянская песня... По окончании этой песни девицы выпивают из стаканов все пиво. За ними четыре другие девицы повторяют тот же самый обряд, который и кончается только тогда, как все участвующие в братчине, соблюдая очередь по четыре за один раз, нальют пива, составят из себя хоровод, пропляшут с песнями свою пляску и выпьют свой любимый напиток...

За зырянскою песнею следует Русский припев: две девицы в двух стаканах, поочередно, подносят пива на одном подносе двоим тоже из молодых парней-гостей на братчине... Пока парни пьют пиво, девицы пляшут с подносом в руках... Молодые парни, опорожнив стаканы и положив туда деньги, ставят их обратно на поднос...» [17].

Заметьте, что вечеринки (в том числе и братчины) устраивались девушками, а парни на них приходили как гости. И еще одна деталь: в вечеринках участвовала только холостая молодежь, молодые замужние женщины на вечеринки не ходили, это считалось неприличным. Но допускалось присут-

* Рождественский (Филиппов) пост длится с 28 ноября по 6 января, масленица – последняя неделя перед Великим постом, приходится на февраль – начало марта (постоянных дат не имеет).

Народный дом

ствии на них людей среднего и пожилого возраста. Вечеринки с их шутками, смехом (этим особенно отличались святочные посиделки, на которых устраивались различные игры с ряжеными), пением, хороводами были прекрасным способом отдыха молодежи, позволявшим скрасить долгие темные, и оттого особенно тоскливые зимние вечера. Кроме того, в маленьком городе вечеринки были своеобразной «ярмаркой невест». На них парни знакомились с девушками, выбирали себе невесту (многие в поисках суженой кочевали с одной вечеринки на другую), договаривались о свадьбе.

Весной посиделки заканчивались: на март-апрель приходился семинедельный Великий пост, когда все увеселения запрещались. Летом посиделки заменялись «гуляниями». Уж, кажется, в летние дни не до развлечений – работа отнимала все время и силы. Но молодость брала свое. Вечером, после трудового дня, парни и девушки собирались на окраине города, у реки, пели под гармошку, плясали. В отличие от посиделок, на гуляниях никакого угощения не было.

Но кончалась молодость, парни женились, девицы выходили замуж, и гуляния становились для них лишь приятным воспоминанием. Устьсысольцы постарше в гости ходили редко. Правда, зимой и у замужних устьсысок в обычае было нечто вроде посиделок, своеобразных «женских клубов». В гости к кому-нибудь из женщин приходили 2–3 соседки, и они вместе занимались рукоделием – пряли, вязали. А за вязанием можно было посудачить, спеть песню.

Единственными «общественными местами проведения досуга» мужской части «городских обывателей», своеобразными «простонародными клубами», были трактиры и «питейные дома». Как уже отмечалось, их число было невелико. Надо заметить, что в непростые дни они осо-

бой популярностью не пользовались. Как мы знаем, устьсысольцы вовсе не были трезвенниками, однако предпочитали «употреблять» дома, вероятно, из соображений экономии.

Однако в самом конце XIX века в Усть-Сысольске появилось такое учреждение, как Народный дом общества трезвости. Такие общества создавались и находились под опекой православной церкви, но большого распространения не получили. Однако Народный дом, содержащийся на городские и земские средства, пользовался определенной популярностью у всех слоев городского населения. Одноэтажное деревянное здание, с двумя залами и несколькими комнатами, одна из которых предназначалась для ресторана с буфетом, стояло в самом оживленном месте Усть-Сысольска – на базарной площади. Какой-либо специальной программы работы или членства у него не было. В Народном доме устраивались танцевальные вечера, проводились лекции, беседы, театральные спектакли, концерты, организованные школами, учреждениями и просто «любительскими кружками». Одним словом, это был первый и единственный в Усть-Сысольске Дом культуры, предназначенный как для «просвещенного общества», так и простых горожан. Особенно активно он функционировал в ярмарочные дни.

До сих пор мы говорили о быте мещан-земледельцев. Но по своему бытовому укладу к ним были близки ремесленники, наемные рабочие (как мы уже писали, большинство из них тоже занимались сельским хозяйством, только уделяли ему меньше внимания), часть купечества и торговцев. А вот служащие (чиновники, преподаватели, врачи) и «именитое купечество» по своему образу жизни значительно отличались от этих групп населения.

Уже упоминавшийся капитан Услар, инспектировавший Вологодскую губернию в середине XIX века, дал очень сжатую и точную характеристику провинциального чиновничества:

«Уездные чиновники состоят большею частью из уроженцев края... Не имея других средств пропитания кроме службы, они остаются в ней... всю жизнь, не покидая пределов своей губернии, высшую степень умственного развития почитают они усвоение механического искусства составления деловых бумаг и в особенности искусства ловко и безнаказанно уклоняться от исполнения тех предписаний начальства, которые кажутся им почему-нибудь стеснительными... односторонность понятия и недобросовестность есть зло неизбежное и покуда еще неисправимое, потому что где найти людей, которые бы согласились, без всяких своекорыстных видов... схоронить себя в захолустье какого-нибудь Яренска или Усть-Сысольска. Тем не менее встречаются и здесь некоторые исключения, которые тем более заслуживают уважения, чем они реже. Жизнь уездных вологодских чиновников состоит из длинного ряда переводов с одного места на другое, из одного города в другой... Жизнь идет однообразно и безмятежно в этих отдаленных городах; служебные занятия поглощают собою большую часть времени, остальное посвящается картам, взаимным визитам, и, наконец, празднованию рождения и именин каждого из чиновников, целым городом в совокупности. Умеренность в употреблении крепких напитков не принадлежит к числу добродетелей вологодских чиновников» [18].

Служащие в небольших чинах не могли похвалиться большим жалованьем. Их семьи с трудом сводили концы с концами, и поэтому для них огород, корова были насущной необходимостью. Они сами и занимались подсобным хозяйством. Чиновники более высокого ранга имели доход, позволяющий жить довольно безбедно, держать прислугу. Представители этой немногочисленной «городской аристократии» также имели подсобное хозяйство, но для них оно имело меньшее хозяйственное значение (по крайней мере, скот они не держали).

Служба накладывала отпечаток на распорядок дня чиновничьей семьи. Вставали часов в 7–8 утра, завтракали: пили чай с пирожками, самодельным печеньем, сливками. Затем глава семейства отправлялся на службу. Обед из трех блюд подавали обычно к двум часам дня, когда в учреждениях был перерыв (а педагоги к этому времени вообще заканчивали работу). Ужинали поздно – около 8 часов вечера, и ужин был неплотным. Кроме того, в чиновничьих семьях имели обыкновение дважды (в 12 часов дня и в 6 часов вечера) основательно чаевничать.

У мужчин-служащих день четко делился на рабочее и вне рабочее время. В неделе было шесть рабочих дней, а в воскресенье – выходной. Служебные занятия чиновников для нас особого интереса не представляют. Бесконечное составление и переписывание отчетов, справок, реестров и тому подобных деловых бумаг, прием посетителей, проверки и ревизии – так однообразно текла канцелярская служба. Заносчивость по отношению к нижестоящим, угодничество по отношению к начальству – характерные черты взаимоотношений чиновничества.

«Табель о рангах» самым существенным образом сказывалась как на служебных, так и на внеслужебных отношениях служащих. Например, приехало в город новое должностное лицо (врач, канцелярист, учитель – неважно кто). Что он должен сделать первым делом? Правильно, нанести визиты всем «первым лицам» города. Вот как об этом рассказывает преподаватель духовного училища Петр Николаевич Виноградов в своих записках, относящихся к началу XX века:

«Водворившись на квартире, я счел долгом сделать, конечно, визиты всем более известным лицам в городе. И тут незадача! Пошедши по порядку по улице я посетил первого («градоначальника» я упускаю, само собой разумеется, что я посетил первого) Ивана Ивановича, а потом поехал далее к Александру Ивановичу. Между тем Александр Иванович был коллежский советник, а Иван Иванович только надворный, и то «в смертном чине». Скандал, да и только. А дальше – ужас и вспомнить – жил статский советник, у которого за неимением визитной карточки пришлось ограничиться лоскутом бумаги: «самых» не было дома. Какая скверная там прислуга: при входе смотрит с радостью, перешептывается, как будто знает не только кто, откуда и зачем приехал, но даже и более, между тем при напоминании сказать, кто был, твердит одно: могу забыть оставить карточку... Хуже же всего было то, по уверению моей хозяйки... что я делаю визиты не в форме, а в простом черном сюртуке и без перчаток...»*

Ровно через неделю, как и положено, представители «местного общества» нанесли ответный визит. Не приехал только статский советник, который счел себя оскорбленным. «Как ему ни докзывал «градоначальник», – пишет П.Н. Виноградов, – что тут недоразумение, что у меня не было визитных карточек, статский советник не хотел верить и счел за унижение своего достоинства» [19].

В семьях служащих мужчина – глава семьи – принимал минимальное участие в домашнем хозяйстве и воспитании детей. По существу, его

* Чин надворного советника соответствовал VII, коллежского – VI, статского – V классу. «В смертном чине» – т.е. в чине, дававшемся перед отставкою по возрасту и выслуге лет.

роль сводилась к тому, что он 20-го числа каждого месяца приносил домой жалование. В семьях бедных служащих мужчине самому приходилось заниматься ремонтом дома, помогать жене в работе на огороде и так далее. Но и в этих семьях основную нагрузку по ведению домашнего хозяйства несли женщины. Им приходилось и стирать, и шить, и готовить на всех членов семьи, заниматься огородом, следить за детьми и заниматься множеством других дел.

В зажиточных семьях роль жены-хозяйки была несколько иной. В этих домах держали прислугу (горничную, няню, некоторые даже имели своего повара), которая и выполняла основные работы по хозяйству. Обстирывала членов семьи «своя» прачка, регулярно забиравшая грязное белье и приносившая чистое, молоко приносила «своя» молочница и так далее.

В дворянских и богатых купеческих семьях хозяйка лишь руководила домашним хозяйством, ведала семейным бюджетом, по праздникам принимала и развлекала гостей. Большая часть ее жизни протекала в стенах собственного дома, а основным развлечением были бесконечные чаепития и разговоры-сплетни за карточным столом (купчихи карточными играми не увлекались) с достойными ее подругами да занятия рукоделием. Такие «посиделки» весьма колоритно описаны в рассказе А.О.Ишимовой «Зырянка», написанном по усть-сысольским впечатлениям 20-х годов XIX века:

«Вы не поверите, – говорила Варвара Матвеевна, одна из самых бойких и образованных городничих У... – Вы не поверите, как наемни меня употчевала Палагея Никифоровна, – возможно ли, я должна была выпить у нее 3 чашки кофию и тотчас же после столько же чаю! Ну не отходит, да и только! «Покорно прошу, покорно прошу, матушка Варвара Матвеевна!» Тьфу ты, несносная какая, надоела до смерти! Я же, вы знаете, с моей слабою грудью – ну не могу переспорить ее: пью, да и только! Уж рада, рада была, что вырвалась домой!» – говоря таким образом, городничиха, в довольно засаленном капоте и с самою незатейливою прическою своих растрепанных локонов, расхаживала по комнате, смотря то за приготовлением карточного стола, то за разлитием старою нянькою чая. Между тем она по-своему угощала своих гостей и, вливая в них также около полдюжины чашек, употребляла вместо «покорно прошу», «прошу покорно» другую поговорку: «Барыни, – восклицала угостительная Варвара Матвеевна, – да что это вы не пьете чаю? Пейте, мои матушки, куда же его девать, ведь не на собак же его выливать! Акулина сделала его пре-большой чайник! И послушные барыни совестились отказаться от лестной чести быть угощаемыми важною Варварою Матвеевною и выпивали по первой – часто по шестой чашке» [20].

В семьях интеллигенции держали прислугу, но хозяйка вместе с ней занималась домашним хозяйством – хлопотала на кухне, заготавливала варенья и соленья, ходила за продуктами. В конце XIX века часть женщин преимущественно из интеллигентных семей, работали учителями, библиотекарями, но надо сказать, что число женских рабочих мест в усть-сысольских учреждениях было очень невелико. Вообще жизнь женщины из интеллигентной семьи была более насыщенной, интересной. Многие из них, например, серьезно увлекались чтением, занимались воспитанием и обучением своих детей, что в гораздо меньшей степени было характерно для городской дворянской и купеческой «аристократии».

В традициях усть-сысольского «благородного общества было устройство совместных вечеров. «Чиновники города для времяпровождения собирались в частных домах, т.к. специальных общественных помещений и увеселительных мест тогда в городе еще не было, – пишет учительница Ф.И.Забоева о начале 60-х годов XIX века. – По воскресным дням собирались обычно у местного купца М.Н.Латкина, а по средам у местного купца Н.Хаманетова. Здесь целые вечера проводили за игрой в карты, а дамы занимались музыкой и танцами». Дом крупного предпринимателя и образованного человека Михаила Николаевича Латкина Ф.И.Забоева называет «культурным центром в городе». У хозяина была богатая библиотека («он выписывал все русские газеты и журналы»), которой пользовалось «большинство чиновников», поскольку общественная библиотека была значительно беднее [21]. По существу, в доме у М.Н.Латкина образовался домашний клуб.

Впрочем, вскоре «благородное общество» получило возможность собираться не только в домах уважаемых горожан. В Усть-Сысольске не было дворянского собрания – малочисленное служивое дворянство входило в губернское дворянское собрание. Зато в 1864 году в «столице зырянского края» появились «Общественное благородное семейное собрание», или, попросту, городской клуб. Позднее оно стало называться Усть-Сысольским общественным собранием.

Поначалу клуб размещался в здании бывшей ратуши на углу Набережной и Трехсвятительской улиц. Позднее для него был выстроен специальный дом. Двухэтажное деревянное, выкрашенное в желтый цвет здание «общественного собрания» помещалось на углу Спасской и Никольской улиц (напротив современного здания Центра национальных культур). На первом этаже помещались буфетная комната (по существу – маленький ресторан), библиотека и гостиная, а весь второй этаж занимал зал, где проводились «увеселительные мероприятия», в том числе и театральные спектакли. Как отмечала газета «Вологодские губернские ведомости», «помещение клуба хотя и невелико, но обставлено настолько, что имеет вид небольшого театра – со сценой, оркестром и пр.».

Для того чтобы было понятно, что из себя представляло это заведение, обратимся к Уставу Усть-сысольского общественного собрания, ут-

вержденному в 1894 году. Вот несколько параграфов этого обширного документа, характеризующих деятельность клуба:

«§1. Общественное собрание имеет целью доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством приятностью и пользою...»

§2. С этой целью собранию предоставляется устраивать для своих членов и гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать лиц, специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы для распространения между членами собрания полезных сведений...»

§3. Собрание открывается в дни, назначаемые общим собранием членов за исключением последних трех дней страстной недели, 1-го дня Св. Пасхи и 1-го дня Рождества Христова, от 7 часов вечера до 1 ч. полуночи. Остающиеся после этого срока платят при выходе штраф в пользу собрания...»

§4. Во время танцевальных вечеров, балов и маскарадов штрафы не назначаются, но в пять часов утра собрание обязательно закрывается...»

§42. Находящиеся в собрании лица обязаны соблюдать должный порядок – вежливость и приличие. Наблюдение за сим возлагается на дежурного старшину...»

§48. В собрании дозволяются все игры за исключением азартных или таких, о воспрещении которых в общественных собраниях состоялось правительственное распоряжение...»

По Уставу, «членами собрания могут быть лица всех сословий», за исключением «женщин, несовершеннолетних, исключая лиц, имеющих классные чины», «учащихся в учебных заведениях нижних чинов и юнкеров», а также исключенных за какие-либо проступки или «подвергшихся ограничениям по суду». Число членов собрания всегда было небольшим – человек 40–50 из чиновничьей и купеческой среды. Но надо иметь в виду, что действительными членами были только те, кто платил членские взносы (почетные члены от них освобождались). Они могли посещать клуб бесплатно, а на балы и танцевальные вечера приходиться и с «женскими особами, принадлежащими к семействам членов» (а иначе с кем танцевать-то?). А в качестве гостя, но уже за плату, приходиться в клуб мог любой «имеющий право быть избранным в члены собрания» – требовалась только рекомендация одного из членов.

Формы времяпровождения в клубе были обычными для такого рода учреждений: по вечерам здесь играли на бильярде, в лото, шашки и шахматы (допускалась игра на деньги), читали газеты и журналы, ужинали. Устраивались и семей-

ные вечера с танцами, балы-маскарады. Зал клуба использовался для любительских театральные постановок, проведения музыкальных вечеров. Только на любое «увеселительное мероприятие» требовалось получить разрешение полицейского начальства. По будним дням народу в клубе было немного, а в праздники собиралось все «благородное общество» [22].

У молодежи из чиновничьих и купеческих семей долгое время (по крайней мере, до 60-х годов XIX века) были популярны те же формы досуга, что и у мещан – вечеринки «с танцами» и посиделки. Вплоть до 20-х годов XIX века усть-сысольское общество не знало балльных танцев. Ишимова (напомним, что она была в Усть-Сысольске в начале 20-х годов XIX века) вспоминала:

«Побывав в первый раз на вечеринке у именинника-судьи (лицо в то время очень почетное в уездном городе) – я поражена была удивлением, когда вдруг раздалась хороводная песня и хозяйка, взяв за руку одного из молодых людей, начала ходить с ним по зале, он взял другую даму, та опять другого кавалера и так продолжалось до тех пор, пока не составила длинная цепь из всех молодых дам и мужчин. Как скоро эта цепь сомкнулась в большой круг, началась какая-то хороводная игра, для которой выбирались одна или две пары мужчин и дам. Для меня показалось это очень странным зрелищем: в Петербурге я слышала, что играют в хороводы только крестьяне да крестьянки в деревнях... Я, нисколько не стесняясь, объявила всем девушкам, что у нас, когда собираются, то танцуют. Они откровенно признались, что слышали о танцах, но у них никто не умеет танцевать, да и музыки никакой нет в городе. Тогда я обрадовала их обещанием выучить их всем танцам, какие танцуют в Петербурге, а что касается музыки, то у нас был человек, который играл на скрипке. ... И так, на первом же вечере, все молодые девушки решили, что начнут учиться танцевать и научившись, перестанут играть в хороводы... усердие их к этому учению было так велико, что прежде нежели наступила зима, они танцевали уже все танцы, каким я сама научилась в пансионе: польский вальс, экосез, мазурку и еще какой-то, теперь забытый мною, танец... Нельзя описать того удовольствия, какое чувствовали мои ученицы, когда в первый раз на чьих-то именинах раздалась звуки скрипки нашего Егора, и все они пошли парами польский. С этих пор танцы так понравились всему обществу, что в лучших домах хороводы были совсем оставлены» [23].»

Вот вам один из примеров того, каким образом те или иные новации в культурной жизни доходили до Усть-Сысольска! В конце 40-х годов XIX

века Е.Кичин отмечал, что «здешнее молодое поколение барышень... умеет довольно стройно играть на фортепиано и очень много танцует» [24]. По-видимому, к этому времени балльные танцы уже полностью вытеснили хороводы со званых вечеров усть-сысольского «благородного общества».

В начале XX века входят в моду выезды за город на пикник. Иногда устраивались большие общегородские гулянья. Одно из них, например, состоялось в июле 1914 года на лугу в Заречье. Оно было организовано в пользу студентов-вологжан в Петербурге. Сбор средств производился с перевоза через реку, который стоил 10 копеек. Место гулянья было оформлено флагами, на лугу были вкопаны скамейки, организованы буфет с чаем, шуточные балаганы (один из них, например, – «моментальная фотография»: в палатке установили зеркало и зазывали сделать «моментальный снимок»). Молодежь гуляла, пела под гармошку. К этому гулянию даже была выпущена специальная афиша.

Занимал ли какое-либо место в жизни усть-сысольцев спорт? Нет, как способ отдыха он практически известен не был. Никаких спортивных кружков и состязаний Усть-Сысольск не знал. Лишь в самом конце XIX века в городе появился каток – единственная, если так можно выразиться, спортивная арена. Первый каток организовали административно-ссылные, собрав деньги по подписке. В начале XX века городские любители конькобежного спорта уже сами расчищали площадку для катания на льду Сысолы и занимались ее обустройством. Организовывал все это В.П.Успаский. Желающие пользоваться катком сдавали по 2 рубля на оплату расчистки льда и освещения. Впрочем, таковых было немного – в основном молодые люди из семей интеллигенции.

9.3. «Вот и праздник пришел»

Конечно же, были в жизни усть-сысольцев и праздники, которые также надо отнести к формам досуга. Основными из них были праздники, установленные православной церковью. Надо заметить, что в быту простых горожан, как и сельских жителей, сохранялись многочисленные пережитки дохристианских верований, зачастую переплетавшихся с православными обрядами, в том числе и в праздничных обыкновениях. Не чужды были выполнения многих простонародных обычаев купечество и «благородные слои городского общества».

В число двенадцати основных (двунадесятьх) православных праздников входили и такие популярные зимние праздники, как Рождество (25 декабря) и Крещение (7 января), приуроченные церковью к началу и концу языческого праздника Святок (сам праздник попал к коми вместе с христианством, поэтому святочная обрядность у них ничем не отличалась от русской). На Рождество обязательно пекли специальное печенье в форме птиц и животных (в прошлом оно несомненно

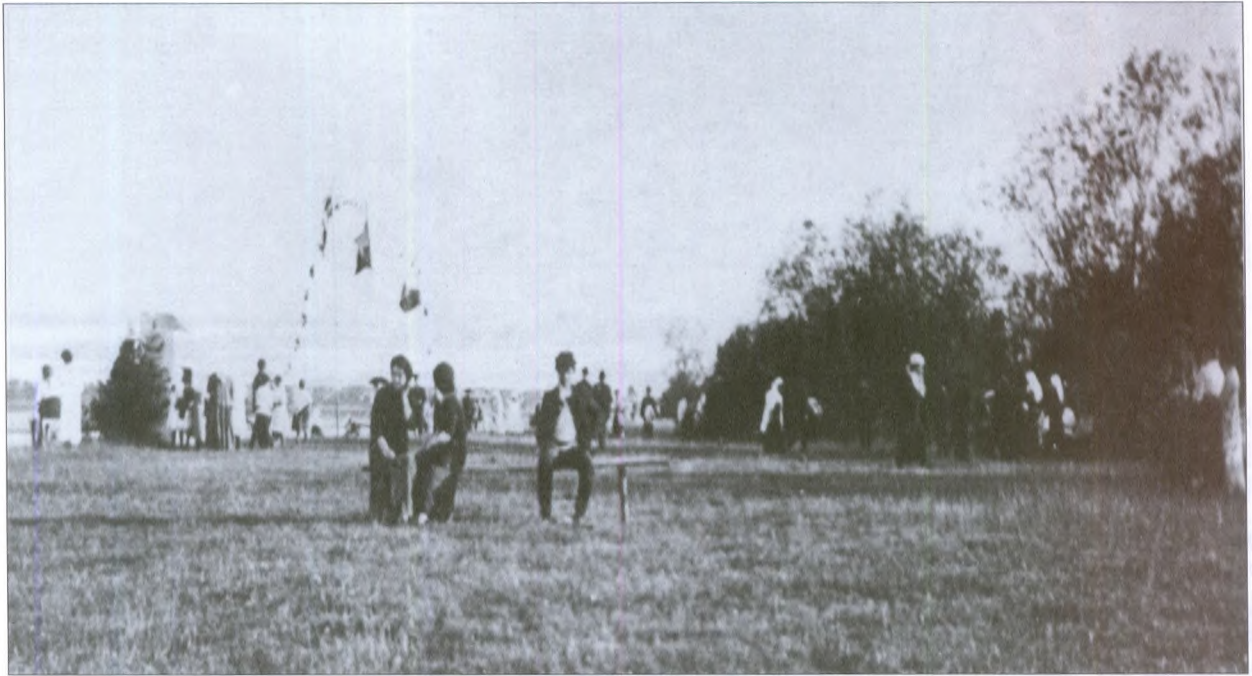
имело магическое значение, но к концу XIX века его уже никто не помнил). Отметим, что обрядовое печенье пекли не только на Рождество, но и 9 марта – в день поминовения сорока мучеников Севастийских – оно называлось «жаворонки» (но могло заменяться другой выпечкой, причем на стол подавалось ровно 40 «экземпляров»).

В число святочных обычаев входил и ритуальный обход домов. В начале XX века этим занимались только дети, но, по-видимому, раньше ходили и взрослые. Дети одной улицы, конца собирались вместе и шли из дома в дом с пением духовных стихов, колядок, виноградий. Когда ходили «славить» («со славою»), то несли заранее подготовленные «вертеп» – фонарик из прозрачной бумаги со вставленными картинками на темы Священной истории – и «звезду», символизирующую виффлеемскую звезду, под которой родился Сын Божий. Хозяева дома одаривали певцов самодельным печеньем в форме птиц и животных, конфетами, пирогами. Дети в первую очередь старались попасть к тем, кто позажиточнее – там можно было рассчитывать на более богатое угощение.

Коляды и славления различались по составу песнопений. Славильщики распевали тропари и кондаки*, духовные стихи, прославляющие Христа, пересказывающие эпизоды Священной истории. Виноградья и колядки, исполнявшиеся колядовщиками (позднее в коляду пели и духовные гимны), – произведения народной поэзии, уходящие своими корнями в далекое языческое прошлое. Колядки – это короткие песни-заклинания, направленные на обеспечение урожая, плодородия скота, семейного счастья. Они исполнялись как самостоятельно, так и «прикреплялись» к другим песням – виноградью, духовным гимнам. Наиболее распространенными сюжетами виноградий (они назывались так по припеву «виноградье красно-зеленое») являются «благожелательные» – прославление богатства и личных достоинств хозяев дома, пожелание им процветания, свадебно-брачные сюжеты.

С.Мельников в заметке «Коляда в Усть-Сысольске», датированной 1852 годом (единственным достоверным известием о бытовании этого обычая в городе), отмечал такую деталь: в Усть-Сысольске «коляду... пели вечером 25 декабря, после уже славления со звездой и хождения с вертепом, а не накануне рождества, как это было принято в русских селениях». А в начале XX века этот обычай несколько изменился: «славить» ходили накануне Нового года (Васильева дня) и в первый день Рождества.

* Кондак – церковное песнопение, «закрывающее в себе описание жизни святого или краткое изложение содержания праздника... Кондаки пели так: начало пел певец, а затем конец подхватывали хором»; тропарь – церковное песнопение, состоящее из «молитвенной песни, которая повествует о сущности праздника и поминаемого священного события или представляет главное событие жизни или подвигов православного святого» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. С. 1441, 2193)

Народное гулянье в Заречье

Колядование почти не было известно в коми селе. Вероятно, появление его в Усть-Сысольске было связано с русскими горожанами. На это указывает и то, что репертуар колядовщиков был чисто русским (Мельников приводит текст одного из виноградий). В общем-то оно и в городе так и не прижилось. Не исключено, что этому способствовала церковь, благожелательно относившаяся к «славлению», но осуждавшая колядование, уходившее своими корнями в языческое прошлое. Мельников отмечал, что «старинный обряд колядования» «ныне не исполняют» и что он сохранился только в «народной памяти у некоторых русских горожан», в их «детских переказах» [25].

Характерными святочными обычаями были посиделки, о которых мы уже рассказывали, и гадания, которыми особенно увлекались девушки. К сожалению, время не сохранило ни одного «верного способа» узнать имя суженого или свадьбы, которые так хорошо знали усть-сысольские барышни.

Святки завершались праздником Крещения. В этот день «святтили воду в Иордани». Процессия, возглавляемая всеми городскими священниками, направлялась к Сыsole, где во льду была вырублена прорубь в форме креста. У проруби совершалась служба, во время которой протоиерей с молитвой опускал в воду крест. Многие горожане наполняли прихваченную с собой посуду освященной водой: ею лечились от болезней, окропляли скот, чтобы предохранить его от падежа. В этом обычае отразились очень древние представления об очистительной силе воды.

На последний зимний месяц приходится праздник проводов зимы и встречи весны – Масленица. Это был чисто народный праздник, не связанный с церковными обрядами, и лишь время его

проведения определялось по церковному календарю. Масленичная неделя – последняя перед Великим постом. Впереди были почти два месяца без развлечений, строгих ограничений в пище. Наверное, и поэтому масленица отличалась особым разгулом. Гулял весь город, стар и млад. Во всех домах пекли блины, сзывали гостей. По улицам с шумом и гамом пролетали украшенные лентами тройки с гуляющими. А молодежь собиралась у Троицкого собора и Народного дома на рыночной площади. Отсюда вниз, к реке, неслись большие сани, вмещавшие до семи человек. Катание с гор, любимое развлечение парней и девушек, длилось до глубокой ночи.

Крупнейшим весенним праздником из числа двенадцатых была Пасха, «праздник праздников». Пасхальная служба отличалась особой торжественностью. Даже те горожане, которые в обычные дни не очень жаловали церковь, приходили в храм. В Покровской церкви Троицкого собора (она была более вместительной, чем Троицкая) было не повернуться. Служба оканчивалась крестным ходом вокруг собора, проходившем при огромном стечении народа.

В этот день было принято печь специальный хлеб – кулич, делать пасху из творога, красить в различные цвета куриные яйца. Пасхальная снедь освящалась в церкви перед заутренней и съедалась на праздничном обеде. Особенно почитались крашенные яйца. С освященного яйца начиналась праздничная трапеза. Горожане обходили дома друзей, родственников, поздравляли с праздником, угощались и дарили друг другу пасхальные яички. А девушки старались подарить их тем парням, которые им нравились. Некоторые местные донжуаны к вечеру собирали по 10-20 таких подарков. Днем и вечером на берегу Сысолы шло народное гулянье, молодежь водила

Каток на Сыsole. 1916 г.

хороводы (в конце XIX века они сохранились только на окраине), пела. Пасхальные увеселения продолжались целую неделю.

Через пятьдесят дней после Пасхи наступал еще один большой праздник – Троица (Пятидесятница) (к тому же – престольный для Троицкой соборной церкви). В народном понимании это был еще и праздник начала лета, начала цветения земной растительности. Не удивительно, что в троичной обрядности основное место занимали ветви деревьев и кустарников, травы.

Особо почиталась береза. Перед праздником горожане уходили в лес за березовыми ветками. Ими украшали окна и ворота домов, стены в комнатах. Березовые ветки несли в церковь для освящения. Это явная уступка церкви народным обычаям, берущим свои начала в языческом культе растительности. Одно время освящение ветвей в храме запрещалось, но все же через некоторое время обычай «явочным порядком» восстановился. Веник из освященных березовых ветвей весь год хранился за божницей. Считалось, что он обладает целебной силой. В пригородных деревнях, например, долго сохранялся такой обычай: при входе в дом надо было освященным веником перекрестить комнату и сказать: «Здоровье принесла». Это должно было предохранить хозяев от болезней. В Троицу было принято париться в бане новым веником. Существовал и такой обычай: веники бросали в реку. Если веник сразу же утонет, значит, кто-то в доме в этом году умрет или тяжело заболит.

Как и Пасха, Троица – время веселых народных гуляний, последних перед напряженной летней страдой. Обычным местом встречи молодежи был берег Сыsole, где разводились костры, устраивались хороводы и игры. Некоторые на лодках переправлялись на луга на противоположном берегу, где гулянья продолжались до самого утра.

В летнее время широко отмечались Иванов день (24 июня), Петров день (29 июня) и Ильин день (20 июля). О каких-либо специальных обрядах, проводившихся в городе в Иванов день и Петров день, нам неизвестно – к началу XX века они не сохранились, – а вот об интересном обычае, некогда бытовавшем в Усть-Сысольске в Ильин день, рассказал в одной из своих статей Е.Кичин:

«Из обыкновений здешнего края особенно надо заметить обычай, соблюдаемый и простолюдинами Белозерского и Тотемского уездов, которые в один из праздничных летних дней закалывают у приходской церкви животное из породы рогатого скота, и раздают сваренное из него мясо всем собравшимся при том поселянам, в память о том, что в старые годы отцы их, деды и прадеды вкушали мясо оленя, который ежегодно являлся сам на заклание. Впрочем, в самом городе Устьсысольске это обыкновение не соблюдается, хотя оно и уважается здешними простыми гражданами: они

с большой уверенностью говорят, что не более как за 50 лет пред сим, олень пришел на Вишеру, ... которого в последний раз там и закололи, ныне же нигде эти олени не являются за великую неправду народа. Устьысольские же мещане, которые живут вне города, убивают рогатую скотину, и один из здешних домохозяев жертвует свою корову или быка на заклание...» [26].

Обычай этот действительно хорошо известен не только в коми селах, но и на всем Русском Севере под названием «мольба», «жертва», «братчина» (коми, скорее всего, заимствовали его у русских). Истоки его, по мнению академика Б.А.Рыбакова, уходят в глубокую древность и связаны с представлениями первобытных охотников о небесных оленях, владыках «верхнего» мира. Е.Кичин упоминает о широко распространенной у коми легенде о приходе оленя на Вишеру. Согласно преданию, жертвенный олень ежегодно прибегал к церкви. В один из годов олень не явился к урочному часу, и священник начал служить обедню без него. Олень все же прибежал, увидел, что служба уже началась, «ударился в паперти о помост и убился, – и с тех пор явление оленя прекратилось». Интересно, что на Вишере это событие отмечалось не летом, как в других местах, а 8 октября – в Рождество Богородицы – и связывалось еще с одним преданием о чудесном явлении иконы Божией Матери [27].

В этот день крестьяне приводили к церкви животных на заклание по обету или специально покупали в складчину. Мясо освящалось и варилось в больших котлах. К этому дню специально варили пиво. Вареное мясо раздавали собравшимся или выкладывали на общие столы, которые ста-

вили прямо у храма, и все прихожане вместе пировали. Бульон обычно раздавали нищим.

На осенние месяцы приходились несколько крупных праздников (Рождество Богородицы, Покров, Михайлов день и другие). Но нам не известно, существовали ли в городе приуроченные к ним какие-либо обряды и обычаи, хотя они, несомненно, были. Напомним, что именно в Покров начинались посиделки.

Надо заметить, что особенно широко отмечались праздники, посвященные тем святым или событиям Священной истории, в честь которых были освящены престолы городских храмов (так называемые престольные праздники) или именованы часовни. Местный корреспондент в 1900 году отмечал в «Вологодских губернских новостях»:

«Разгул особенно велик во время местных праздников, которых в нашем городе наберется в году порядочное количество. Город наш состоит из центра и предместий: Нижний Конец, Тентюково, Кокулькар, Изкар и т.д. Каждое из них имеет свой праздник, во время которого они переугощаются между собой. Начало праздника посвящается церковному служению, после чего начинается взаимное поздравление друг друга, сопровождаемое выпивкой. Затем начинается гуляние молодежи, часто сопровождаемое драками. Редкий праздник обходится благополучно» [28].

Разумеется, все православные праздники отмечались и «благородным обществом». Обязательным было посещение праздничных церковных служб. В праздничные дни, прежде всего в Пасху и под Рождество, было принято наносить

Крестный ход

Земская управа, украшенная к празднованию 300-летия Дома Романовых. 1913 г.

визиты. Полагалось наносить визиты не только друзьям, хорошим знакомым, но и сослуживцам, и в первую очередь начальству. В этом случае чаще всего ограничивались оставлением визитной карточки. Для избранного круга хозяева готовили стол с «легкими» закусками. Во время визита гости надолго не задерживались. Приглашать гостей в дом на праздники не было принято. Но представители интеллигенции нередко собирались в клубе. Впрочем, совместными праздничными вечерами с танцами отмечались только Рождество и Новый год.

Дореволюционный город светских праздников, за исключением, пожалуй, Масленицы, не знал. В государственных учреждениях и храмах официальными актами и службами отмечались тезоименитства государя и членов императорского дома, юбилейные годовщины некоторых исторических событий (например, в 1912 году было отмечено столетие Отечественной войны 1812 года). Но считать эти события общегородскими праздниками нельзя – горожане их не праздновали.

Впрочем, иногда в маленьком городе проводились «разовые» крупные торжества. В 1896 году, например, было торжественно отмечено 500-летие преставления св. Стефана Пермского. Главным пунктом торжеств стало освящение Стефановского храма (об этом уже рассказывалось).

21 февраля 1913 года по всей России проходили торжества, посвященные 300-летию царствования Дома Романовых. Как отмечала газета «Вологодский листок», «юбилейные торжества... в столице Зырянки прошли очень шумно». Кроме обычных в таких случаях литургии (она

прошла в Стефановском храме) и крестного хода, состоялся парад: перед зданием земской управы церемониальным маршем прошли местная воинская команда и две роты, сформированные из учащихся. Парад принимал уездный воинский начальник. Газета отмечала, что «для Усть-Сысольска таких размеров парад был невиданным до сего времени зрелищем» (сохранились фотографии: шеренга замерзших учеников – кто с поднятым воротником шинели, кто перетянут башлыком, церемониальный марш – учащиеся нестройно шагают в узком коридоре, образованном любопытствующими обывателями). При параде производился «беглый салют» из «старинных пушек». Город был «иллюминирован» фонариками, Земская управа украшена елочными гирляндами. Были организованы катания на тройках, угощение. В Народном доме для учащихся был дан спектакль силами местных актеров-любителей [29]. Одним словом, отметили.

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном знаменательном событии, хотя и не относившемся к праздникам, но вызвавшем ажиотаж среди горожан. В 1898 году устьсысольцы единственный раз сподобились лицезреть члена императорской фамилии – во время инспекционной поездки по Вологодской губернии город посетил великий князь Сергей Александрович*.

* СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857 – 1905) – великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1898 г. был Московским генерал-губернатором (1891–1905) и командующим войсками Московского военного округа (1896–1905). Убит эсером И.Каляевым 4 февраля 1905 г.

Городские власти заранее взялись за подготовку сего мероприятия: 15 мая городской голова провел совещание с гласными городской думы и чиновниками, на котором был составлен «план мероприятий». Через четыре дня городская дума одобрила его и избрала специальную подготовительную комиссию. Власти решили не ударить лицом в грязь: выделили средства на организацию встречи высокого гостя (в том числе 200 рублей на закупку в Москве серебряного блюда с солонкой – для поднесения хлеба-соли), привели город в надлежащий вид, коров с улиц выгнали, починили пристань и тротуары, во дворе земской управы организовали кустарную выставку, а для наглядности выстроили охотничью и рыболовную избышки, в которые посадили местных охотника и рыбака в соответствующих костюмах. Они должны были демонстрировать «производственные занятия»: рыбак – вязать сеть, а охотник – чистить ружье. На парходной пристани был выстроен павильон «в русском стиле» и проложен «удобный подъездной путь с пристани на берег».

Визит Августейшего Путешественника подробно освещался «Вологодскими губернскими ведомостями» (до Усть-Сысольска великий князь посетил Вологду, Тотьму, Сольвыгодск, Великий Устюг и Яренск). Сообщалось, что «ко дню прибытия Его Высочества город украсился множеством флагов и имел праздничный вид, а некоторые здания задрапированы были материями из государственных цветов и украшены зеленью». Встречать великого князя собралось множество народа как из города, так и из близлежащих сел и

деревень (даже крыши ближних к пристани домов были полны людей).

Сергей Александрович прибыл 3 июня на пароходе «Царевна», принял рапорт уездного воинского начальника и был встречен хлебом-солью представителями от города, земства и крестьян. При представлении ему городских чиновников «один рыбак, отставной матрос 7-го флотского экипажа Степан Егоров Белоголов, движимый чувством преданности к Царственному Гостю, отделившись из толпы народа и встав на колени, имел счастье поднести Его Высочеству редкой величины стерлядь, изловленную им накануне». Великий князь сел в пролетку, которой правил купец Инкин (за что ему был пожалован золотой перстень с бриллиантом), поднялся в город, посетил Троицкий собор, где был встречен городским духовенством, и Стефановский храм, где ему был преподнесен образ св. Стефана Пермского «работы местного самоучки-живописца» (Сергей Александрович тем не менее попенял местным властям на то, что храм до сих пор не благоустроен), осмотрел выставку, причем «изволил заметить, что Земская выставка вполне знакомит с краем и существующими здесь промыслами и занятиями». На выставке великому князю была преподнесена фисгармония, изготовленная вильгортскими мастерами Александром Налимовым и Михаилом Ватамановым. Знакомство с городом завершилось осмотром казармы, цейхауза и духовного училища. Сергей Александрович нашел все в должном порядке (правда, посоветовал построить новую казарму), сел на пароход и отбыл в Вологду [30].

Парад по случаю празднования 300-летия Дома Романовых 21 февраля 1913 г.

Встреча великого князя Сергея Александровича на пристани. 3 июля 1898 г.

Горожане еще долго вспоминали кратковременный визит великого князя. На память о нем остался павильон-беседка, правда, перенесенный с пристани в городской сад. А городская дума вместе с земской управой все никак не могли разобраться, куда ушли средства, выделенные на встречу высокого гостя.

9.4. Семейные обряды: от рождения до отпевания

В жизни каждой семьи были свои маленькие семейные события, связанные с основными вехами жизненного пути человека. Это рождение ребенка, свадьба, кладущая начало новой семье, и, наконец, уход в мир иной. Радостные и печальные, они всегда отмечались, «обрастали» множеством обычаев и обрядов, некоторые из которых дожили до наших дней.

Городская родильная обрядность в начале XX века (а более ранние сведения просто не сохранились) была значительно беднее, чем сельская. Во время беременности будущая мать работала наравне со всеми до последнего дня. Бывало, что и рожали прямо в поле или на покосе. Напомним, даже в начале XX века медицинской помощью при родах пользовались менее половины рожениц. Большинству помогали бабы-повитухи. По-видимому, мало кто относился к роженице как к нечистой. Поэтому не было запрета

на роды в жилом доме. По воспоминаниям старожилов, в мещанских семьях роды нередко проходили именно в жилом помещении. Рожали и в бане, но скорее из гигиенических, чем из сакральных соображений. Мать с новорожденным обычно уже на второй день переходила в дом.

Повитухи не только помогали роженице, принимали ребенка, но и следили за тем, чтобы новорожденного кто-нибудь не «сглазил». По понятиям усть-сысольцев, опасность «порчи» малыша была очень велика. Ведь достаточно недоброму человеку посмотреть на ребенка, прошептать заклинание, и он мог умереть или заболеть на всю жизнь. Поэтому в первые дни ребенка старались никому не показывать, охраняли с помощью заговоров, умиловительных приношений духам (например, духу бани, способному из вредности «испортить» новорожденного).

Такое важное событие в жизни семьи, как рождение ребенка, отмечалось довольно скромно. В день рождения родственники, знакомые приходили в дом поздравить родителей, пожелать ребенку здоровья, счастливой жизни, принесли небольшие подарки: иногда это было что-то из покупных лакомств – пряники, конфеты, иногда – серебряная монета «на зуб». Родители угощали гостей пивом. Но устраивать в этот день праздничный застолье не было принято.

Для семьи более знаменательным был день крещения ребенка. Совершение обряда креще-

ния было обязательным и с православной, и с государственной точки зрения. Через крещение новая душа приобщается к Богу, то есть человек рождается второй раз, духовно. Священник делал соответствующую запись в метрической книге, хранившейся в церкви, тем самым официально регистрируя новорожденного. В записи указывались две даты – рождения и крещения, – имена родителей и восприемников (крестных). Приглашение стать крестными отцом и матерью считалось почетным, но и ответственным – они почитались как «вторые родители» и принимали на себя обязанность опекать своего крестника, а в случае смерти родителей заменяли их.

Обычно крестили на следующий, максимум – на четвертый-пятый день после рождения (в селах из-за удаленности некоторых селений от храма нередко между рождением и крещением проходило и две, и три недели). Имя для ребенка выбиралось по Святым, но вовсе не обязательно его называли в честь того святого, чья память отмечалась в день рождения, крещения или ближайšie дни. После крещения все направлялись в дом родителей, где выставлялось скромное угощение.

Дни рождения во многих усть-сысольских семьях не отмечались. Праздновались именины – день святого, в честь которого назван человек (поскольку таких дней могло быть несколько, выбирался один – тот, который ближе всего ко дню рождения или совпадал с ним). В этот день приглашались гости – в основном родственники и кое-кто из соседей, устраивалось праздничное застолье, к которому хозяйки пекли пироги и другую выпечку, варили пиво. Дарить подарки на именины не было принято. Как правило, именины отмечались только у взрослых членов семьи.

В семьях усть-сысольского «благородного общества» было принято в дни рождения и именины (не надо забывать, что нередко эти дни совпадали) наносить визиты сослуживцам и хорошим знакомым. Виновник торжества устраивал званый вечер. В отличие от визитов, которые носились без предварительного приглашения, на вечера собирались только приглашенные. Обычно хозяева встречали их у дверей и сопровождали в большую комнату или залу, где был накрыт стол с легкой закуской и расставлены карточные столы. В программу вечера обязательно входили танцы и праздничный ужин, для приготовления которого нанимали специального повара.

Бежит время – не успеешь оглянуться, а дети выросли, и вот уже пора думать о свадьбе. Из всех семейных праздников свадьба была самым радостным, отмечалась с наибольшим размахом. По сохранившимся метрическим книгам (самая ранняя относится к 1834 году) и летописи Троицкого собора, содержащей данные начала XIX века, видно, что в Усть-Сысольске игралось 40–50 свадеб в год. Горожане, как и сельские коми, предпочитали играть свадьбы зимой. На зимние месяцы приходится половина, а в иные годы – до 80% всех браков. Это и не удивительно – зимние месяцы у мещан-земледельцев, составлявших

большую часть горожан, были самыми свободными. Все зимние браки заключались в январе либо феврале. Спрашивается, чем хуже был декабрь? Дело в том, что на него приходится Рождественский пост, а в посты играть свадьбы нельзя.

В остальное время года (весной, летом, осенью) браки заключались уже не так часто, как зимой, и распределялись по годам довольно хаотично. По-видимому, какой-либо традиции заключения браков в эти времена года, связанной с хозяйственным укладом, верованиями, не существовало. Можно отметить, что весной заключалось меньше браков, чем летом и осенью. Наверное, надо принимать во внимание то, что весна для мещан с хозяйственной точки зрения – самое трудное время года. Но главная причина в том, что на весь март и на часть апреля приходится семинедельный Великий пост (соответственно, почти все весенние свадьбы «умещались» в мае).

Казалось бы, летом, когда «день год кормит», горожанам должно было быть не до свадеб. Но на лето в разные годы приходилось от 15 до 30% браков. Все-таки, в отличие от села, где число летних браков было минимальным, для значительной части горожан сельскохозяйственные занятия не являлись основными. И тем не менее большинство летних браков приходится на июнь и июль, а не на август – самый напряженный месяц страды. По осенним месяцам браки распределялись примерно поровну [31].

В городе все браки заключались по сватовству (нам не известно даже единичных случаев браков с «похищением» невесты, имевших место в некоторых районах Коми края). В дом невесты приходили сваты – обычно родители или крестные жениха, часто в сопровождении свахи (в Усть-Сысольске было несколько «профессионалов» по этой части), и в иносказательной форме («у вас есть товар, у нас – купец») просили согласия невесты и ее родителей на брак. В конце XIX – начале XX веков уже очень редки были случаи, когда родители решали вопрос о браке, не спрашивая мнения детей. Обычно бывало так: парень и девушка сами договаривались о свадьбе, а затем спрашивали согласия родителей. Формально их слово было решающим. Прежде чем дать согласие, родители наводили справки о хозяйстве будущих родственников, характере и здоровье невесты. Ведь в представлении устьсысольцев брак был весьма серьезным «хозяйственным мероприятием». Семья жениха получала новую работницу да еще и приданое. И только после такой «разведки» родители давали согласие на сватовство.

Если сватовство оказывалось удачным (что было далеко не всегда), то через несколько дней в доме невесты устраивалось рукобитие («пропивание невесты»). В гости приезжали жених и его близкие, привозили угощение. После подтверждения согласия на брак (теперь оно становилось окончательным) устраивался праздничный вечер, на котором сама невеста не присутствовала (она только подавала на стол). За столом договари-

вались и о приданом. Вообще-то в городе приданое было менее значимо, чем в селе, и тем не менее оно считалось обязательным (без приданого выдавали невест только в очень бедных семьях). Большинство семей ограничивалось небольшой суммой денег и какими-либо вещами (мебелью, одеждой). Но, разумеется, в семьях побогаче оно было более солидным: за невестой давали корову или несколько овец, до десятка возов сена и так далее. Забегая вперед, заметим, что выкуп за невесту в то время уже не был известен. Но одаривание невестой родителей жениха (иногда – и его ближайших родственников) соблюдалось неукоснительно.

Свадьба обычно устраивалась через месяц после рукобития. Накануне свадьбы в доме невесты собирались ее подруги, друзья жениха на девичник (сам жених приезжал позже, привозил подарки). Это был вечер, когда невеста прощалась с родительским домом. Впрочем, девичник ничем не отличался от обычной вечеринки с песнями, играми и танцами. В городе уже было забыто старинное обрядовое оформление девичника, в том числе и оплакивание невесты.

Перед свадьбой невеста мылась в бане. Сопровождала ее лучшая подруга. Она же и мыла невесту мылом, подаренным женихом. Утром в день свадьбы жених с родными, «дружками», друзьями приезжал за невестой. В дом его сразу не пускали, требовали выкуп, и только после того, как жених через «дружек» откупался спиртными и деньгами, он мог войти к невесте.

Из дома невесты свадебный поезд направлялся в церковь, а после совершения обряда венчания – в дом жениха, где проходил свадебный пир. Молодых встречали родители жениха с хлебом-солью и иконой. При входе молодых в дом их обсыпали зерном и мелкими монетами: считалось, что это обеспечит достаток в доме, много детей. После этого все садились за праздничный стол. Когда свадебный пир был еще в разгаре, молодых отправляли на холодную половину спать. Их провожали «дружки» и сваха, приносили им угощение.

Свадебные гулянья продолжались и на следующий день, причем не обязательно только в доме жениха. Утром молодые шли в баню, а затем вместе с гостями садились за стол. Было принято устраивать невесте шуточное испытание, например, нарочно кидать на пол мусор, мелкие монеты, а молодая жена должна была подметать и при этом не сердиться, иначе гости подумают, что у нее сварливый характер. На второй день происходило взаимное одаривание подарками. Через несколько дней после свадьбы молодые приходили в дом родителей молодой жены, приносили им подарки. Их встречали угощением (обязательно пекли блины). На этом свадебные торжества и заканчивались.

Это краткое описание свадебного обряда составлено по устным воспоминаниям, относящимся к началу XX века. К сожалению, более ранние материалы отсутствуют, и мы не можем сказать, как менялся коми городской свадебный обряд. Судя по всему, он в принципе не отличался от сель-

ского. Но в начале XX века многие свадебные обычаи, обряды, еще достаточно стойко сохранявшиеся в селе, в городе постепенно исчезают, свадебный обряд, оставаясь тем же по структуре, обедняется, упрощается по содержанию.

Гораздо больше старинных элементов, связанных с культом мертвых, культом предков, сохраняется к началу XX века в похоронно-поминальном обряде. Причем, если смысл свадебных обрядовых действий многие горожане знали уже плохо, то «знаки» похоронно-поминального обряда они «читали» без труда.

Обмывали покойного пожилые люди, как правило, родственники одного с ним пола. Им за это дарили одежду покойного, полотенце. Вообще всю одежду усопшего раздавали родственникам и нищим. Посуду, из которой обмывали умершего, и стружки от гроба обязательно уничтожали – считалось, что они могут принести беду. А мыло, наоборот, сохраняли – оно, по представлению горожан, обладало лечебными свойствами.

Покойника одевали в специальные погребальные одежды – саван, рубаху, сшитые обязательно из белого материала. Под голову клали небольшую, набитую ватой подушечку или веники. В руки вставляли зажженную свечу. В гроб с покойным обязательно клали некоторые его личные вещи (например, женщине – платок, зеркальце, мужчине – расческу, если он курил, то кисет с табаком), иногда еду (каравай хлеба, пирог), мелкие монеты. Считалось, что эти вещи пригодятся ему по пути в загробный мир, куда после смерти переселяется душа покойного. Это был явный рецидив дохристианских верований, в которых загробный мир рассматривался как копия мира земного.

Обычно отпевали в церкви и хоронили на 2-3 день после смерти, но летом старались сделать это побыстрее. Пока покойный находился в доме, зеркала держали завешенными, окна – закрытыми, для души умершего ставилось угощение. Все это время около покойного находился кто-либо из родных. Священник или кто-либо из пожилых людей читали молитвы.

Считалось, что мертвый может нанести вред живым, испугать их. Поэтому в темное время горожане остерегались проходить мимо дома, в котором лежит покойник. Но существовали «верные» способы избежать неприятных последствий общения с умершим: надо было дотронуться до его пятки или пролезть под столом, на котором стоит гроб.

Гроб с покойным выносили из дома близкие родственники. После выноса гроба дверь запирали, чтобы душа покойного не вернулась. Обычно, если кладбище было рядом, гроб до могилы несли на руках, если далеко – везли на телеге летом, на санях – зимой. Нести венки или цветы не было принято (кстати говоря, и церковь этого не поощряла).

Обычно отпевали в Вознесенской Кирульской церкви при кладбище. После отпевания и выноса из церкви гроб устанавливался у края могилы на помосте из нескольких досок. Все присутствующие по очереди, начиная с близких родствен-

ников, подходили прощаться с покойным. Гроб в могилу опускали на полотенцах, которые затем разрезали на куски и раздавали нищим. Под углы гроба подкладывали чурбачки, чтобы он не стоял на земле. Перед тем как засыпать могилу землей, в нее кидали монеты и комки земли. Над могилой устанавливали деревянный крест. Только состоятельные семьи заказывали каменные памятники (обычная их форма – невысокая стела на прямоугольном постаменте).

После возвращения с кладбища устраивались поминки со скромным угощением, на которые приходили родственники и друзья покойного, а также обязательно приглашались те, кто копал могилу (по православному канону, первые поминки устраивались в третий день «по кончине» и обычно совпадали с днем похорон). Кроме этого, умершего обязательно поминали в 9-й и 40-й дни, а некоторые и в 20-й (последние поминки не санкционированы церковью), через полгода и в годовщину смерти.

Наиболее торжественно отмечались поминки на 40-й день после смерти. Церковь именно на 40-й день после мученической кончины Сына Божьего отмечает праздник Вознесения, и считается, что через 40 дней душа умершего после тридцатидневного посещения ада в третий раз предстает перед Богом и, в зависимости от заслуг, получает место в раю или в аду, где будет находиться до Страшного суда. Однако многие не сильно сведущие в Священной истории горожане считали, что 39 дней душа умершего странствует по земле, посещая все места, где он побывал при

жизни, и только на 40-й день окончательно расстается с землей и уходит в загробный мир.

В этот день родные и близкие собирались в доме покойного «проводить душу». На почетном месте под божницей душе усопшего выставлялось угощение. Через некоторое время гости, закусив и выпив, обходили вокруг стола и целовали икону, которую держала женщина (обязательно не из числа родственников). Женщину одаривали и провожали до ворот. Больше она на поминки не возвращалась. Очевидно, что именно этот обряд и символизировал прощание с душой покойного.

Кроме того, горожане, как это было принято издавна, несколько раз в году отмечали «родительские дни» – поминовения всех умерших предков. Обязательно полагалось сходить на кладбище в «родительскую субботу» перед Троицей и в Петров день. В эти дни на кладбище собиралась вся семья. Поочередно обходили могилы близких (определенных правил обхода не было, но обычно начинали с могил родителей), у каждой устраивали поминальную трапезу, причем принесенную с собой еду (пирог, вареное мясо) и посуду с пивом и вином обязательно раскладывали и расставляли на могильном холмике. Часть еды и питья обязательно оставляли на могиле, часть – раздавали нищим.

Считалось, что в поминальные дни вместе с родными пировали и души умерших. Тем самым выказывалось уважение к предкам, которые должны были оберегать живых. Ведь жизнь продолжалась.